

ВЫЙТИ ЗАМУЖ -
не счастье

Екатерина
РИЗ

Екатерина Риз

Выйти замуж – не напасть

«Издательские решения»

Риз Е.

Выйти замуж – не напасть / Е. Риз — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985171-0

Главная потребность человека — быть счастливым. И сколько же ошибок совершается на этом пути! Люди разочаровываются друг в друге, хотя когда-то им казалось, что они нашли свою половину. Вот и Маша посчитала, что связывает свою жизнь с лучшим мужчиной на свете. Но кто бы мог подумать, что за лучезарной внешностью скрывается самый настоящий домашний тиран? И жить с ним становится всё невыносимее. Остаётся сделать выбор: продолжать жить в золотой клетке по указке мужа или рискнуть всем и сбежать.

ISBN 978-5-44-985171-0

© Риз Е.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	18
ГЛАВА 3	31
ГЛАВА 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Выйти замуж – не напасть

Екатерина Риз

© Екатерина Риз, 2020

ISBN 978-5-4498-5171-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Выйти замуж – не напасть, лишь бы с мужем не пропасть.

Я столько раз слышала это выражение, и всегда лишь посмеивалась. Была уверена, что меня эта участь не коснётся. Ведь в моём понимании, пропадают рядом с мужьями неудачниками, алкоголиками, игроманами и бездельниками. Можно к этому списку добавить ещё с десятков категорий, но в подруги ни к одному из подобных субъектов я никогда себя не зачисляла. Возможно, я чересчур самоуверенна. Скорее всего, это именно так, иначе вовремя бы открыла глаза, и прежде чем бежать в загс, подпрыгивая от радости, размахивая свадебным букетиком, остановилась, пригляделась и передумала.

Хотя, я вру. Сейчас легко себя ругать, и говорить, что нужно было приглядеться. Проблема в том, что приглядываться было не к чему. Два года назад я выходила замуж за идеального мужчину. Красивого, статного, образованного, обеспеченного, безупречно воспитанного, который поражал моё воображение манерами и рассуждениями о высоком. Говорить Слава любил, вкладывал в это свою душу, и я, слушая и глядя на него, в неизменной белоснежной рубашке, таяла, таяла, как сливочное мороженое в жаркий, солнечный день.

В итоге, растеклась лужицей у его ног, и вот спустя два года брака (эпитет «счастливый» мне даже в голову не приходит, если честно), я смотрю на своего идеального супруга, и совершенно не знаю, что сказать. Хотя, слов от меня и не ждут. Я лишь молча наблюдаю, как он открывает бумажник, достаёт из него тысячную купюру и кладёт её передо мной на стол. При этом на секунду прижимает её пальцем к столешнице, будто пытаюсь сосредоточить на этом действе всё моё внимание.

– Ты составила список покупок? – спросил он.

Я кивнула.

– Да. Я оставляла его у тебя на столе.

Слава выпрямился, закрыл бумажник, убрал его во внутренний карман своего пиджака, что висел на спинке соседнего со мной стула, а затем из кухни вышел. Я знала, что он пошёл в свой кабинет, в поисках списка, что я написала вчера. Я осталась сидеть на месте. Только кинула взгляд на часы. До ухода мужа на работу оставалось десять минут. Он никогда не задерживался. Ровно без десяти минут девять захлопывалась входная дверь, и я могла, наконец, выдохнуть. Переставала ощущать затылком требовательный взгляд. Оставалось только подождать.

Владислав вернулся, с листком бумаги в руках. Изучал его с серьёзным лицом. Хотя, что там было изучать столь пристально, я не понимала. Денег на серьёзные покупки, даже для закупки продуктов на несколько дней вперёд, мне никогда не доверяли. Пару раз в неделю я составляла список необходимых мне мелочей, и на эти цели мне выделялась энная сумма денег. В пределах тысячи рублей. Если я скажу, что вечером, вернувшись с работы, мой муж проверит по списку и чекам приобретённые мной товары, вы будете смеяться? Когда-то я бы тоже посмеялась. И пожалела попавшуюся, точнее, вляпавшуюся в подобную ситуацию, женщину, а теперь мне совсем не смешно. Я так живу.

Слава протянул мне листок, улыбнулся и кивнул, по всей видимости, удовлетворённый и успокоенный прочтённым.

– Хорошо. Прогуляйся до магазина. Хорошего тебе дня, дорогая.

Я поспешно поднялась, навесила на лицо воодушевлённую улыбку.

– И тебе, любимый.

Я сделала шаг к нему, приподнялась на цыпочках и приложила губами к гладко выбритой, благоухающей дорогим одеколоном щеке мужа. Постаралась выглядеть при этом счастливой и сияющей. А он приглядывался ко мне с усмешкой.

Я ненавидела эту его усмешку. Он смотрел на меня свысока, как на беспородную собачонку, и усмехался. Может, и пытался улыбаться, но у него не слишком получалось. Слава был снисходителен и насмешлив по отношению ко мне. А порой и откровенно пренебрежителен. Так кто осудит меня за то, что моя любовь к мужу закончилась очень быстро?

Любовь закончилась, а брак нет.

Я проводила его до дверей, как покорная жена. Наблюдала за тем, как Слава надевает пиджак, окидывает пристальным взглядом своё отражение в зеркале. Стряхивает с плеча невидимые пылинки, поправляет узел галстука, заученным осторожным движением проводит по своим идеально подстриженным волосам, и, наконец, отступает от зеркала.

– Буду к ужину, – произносит он привычную фразу, и выходит за дверь. Я же остаюсь стоять в просторной прихожей, глядя на эту самую дверь, с огромным желанием сделать какой-нибудь неприличный жест в её сторону, но, даже оставшись одна, себе этого не позволяю. Подхожу, поворачиваю ключ в замке, затем выключаю свет. Все эти действия и шаги я совершаю каждый день. По минутам. 9:51. Я возвращаюсь на кухню, подхожу к кухонному окну и жду, когда Слава выйдет из подъезда. 9:52. Муж идёт по тротуару, доходит до своего автомобиля на стоянке, оборачивается и смотрит вверх. Я навешиваю на лицо ещё одну улыбку, поднимаю руку и машу ему.

9:53. Его машина выезжает со двора. 9:54. Я наливаю себе кофе, сажусь спиной к окну и мысленно называю себя дурой и трусихой.

Но сегодня у меня, на самом деле, особенный день. Просто потому, что у меня намечается прогулка в торговый центр. С целой тысячей рублей в кармане. Зато я смогу пару часов погулять между витрин, посмотреть на яркие платья, на людей, пьющих кофе на мягких диванчиках или просто праздно шатающихся, как и я. От предвкушения поднимается настроение. Я, наконец, смогу выйти из дома, одна. Это нечастая удача.

Моя сытая, замужняя жизнь, вообще, мало напоминала удачу. Скорее, сделку. И я, и Слава привносили в наш брак определённые усилия. Например, он нашу маленькую семью обеспечивал, создавал, так сказать, статус, а я делала всё остальное.

Остальное – это то, что помогало моему мужу выглядеть солидно и жить по своим установленным правилам в полном комфорте. Что ж, за всё приходится платить. Если подумать, то жаловаться мне, в принципе, не на что. У меня есть то, о чём многие женщины могут только мечтать. Хорошая квартира в центре города, полное обеспечение, красивый муж при хорошей административной должности, достаток и уверенность в завтрашнем дне, а ещё красивые наряды в шкафу, башня из обувных коробок с целой коллекцией туфель и ботильонов, а также две дорожных шубы, подаренных любимым супругом. Я не работаю, и не собираюсь. Могу заниматься лишь домашними делами и всё своё время, и эмоциональные силы посвящать нашей маленькой семье. Кажется, разве не повод позавидовать?

Наверное, повод, и, наверное, мне бы и завидовали, если бы в моей жизни был кто-то, кто мог бы это делать. Например, хоть одна подруга или близкая приятельница. Но чужие люди, как называл все отношения вне семьи, даже дружеские, Слава, нам были не нужны.

– Женщине нужен только её мужчина. Разве ты не согласна?

Какая разница, была я согласна или нет? У меня попросту не было выбора. Откуда у меня могли взяться эти самые подруги или приятельницы, если я банальным образом никуда одна не выходила? Лишь раз в неделю до торгового центра через дорогу.

Допив кофе, я занялась обычными домашними делами. Протерла пыль, пропылесосила, тщательно заправила постель, начистила мужу ботинки и поставила их красоваться на полочку в прихожей. И вздрогнула, когда зазвонил домашний телефон. Недовольно поджала губы. На домашний номер мог звонить лишь один человек – моя драгоценная свекровь. Пусть она будет здорова и счастлива. Полина Григорьевна в свои ещё не преклонные года, она лишь в следующем году собиралась отмечать шестидесятилетний юбилей, совершенно не призна-

вала мобильных телефонов. И, наверное, в этом было моё счастье и моя удача. Иначе она бы названивала мне по пятьдесят раз на дню, проверяя, где я. Геолокацию бы подключила, точно говорю. А так, удостоверившись, что я дома, снимаю трубку домашнего телефона, она надоела мне всего пару раз в день. Осведомиться, чем я занята. Уж не маюсь ли от безделья, не сижу ли, сложа руки на диване. Диван ведь не для меня был куплен, чтобы я на нём просто так сидела, ждала, когда Слава мне зарплату принесёт, чтобы я её транжирила. Наверняка, докладывала после сыночке, чем я занимаюсь.

Трубка домашнего телефона заливалась неприятным, пищущим звуком, на том самом диване, а я стояла рядом и на неё смотрела. Мне безумно не хотелось разговаривать с Полиной Григорьевной. Даже от мысли, что услышу её голос, мороз по коже. И я малодушно решила не обращать внимания на звонок. Слава ведь в курсе, что я собиралась в магазин, и мамочке об этом непременно сообщит, когда та решит на меня пожаловаться. Вот и пусть обсуждают. Но теперь неплохо бы поскорее собраться и из дома уйти. А то с Полины Григорьевны станется взять и прийти, самой удостовериться в том, что меня нет дома. Живёт она недалеко, в пяти минутах неспешной ходьбы, и ключи от нашей квартиры у неё есть. А как же иначе? Вдруг маме захочется нас навестить, ей станет грустно или что-то понадобится? Что же ей, как чужому человеку, звонить в домофон или стоять под дверью? Разве такое можно допустить?

Личное пространство мужа и жены? Что? Нет, о таком мы не слышали. Главное, не расстраивать маму.

А вот мне общение со свекровью никакого удовольствия не приносило. Просто потому, что Полина Григорьевна вряд ли считала меня женой своего единственного сына. Ко мне она относилась, как к домработнице, которая должна угождать. Не совершать ошибок, никаких, достойно обслуживать её сыночка, во всех смыслах. Если честно, я была уверена, что на субботних семейных обедах в её доме, на которые меня никогда не приглашали, потому что это были те драгоценные часы, когда мама и сын могли побыть наедине, они обсуждали моё поведение и то, как я справляюсь со своими обязанностями. Именно обязанностями «жены». В них входило содержание дома в идеальном порядке, забота о муже, его гардеробе, о его удобстве, комфорте и удовольствии. А ещё жена Славы должна быть непременно послушной и рассудительной. Уметь молчать, а, главное, знать, когда нужно помолчать. Ума, живости характера или каких-то проявляемых способностей, помимо домашних дел, от меня не ждали.

Ах да, я должна уметь счастливо улыбаться его друзьям и коллегам по работе. В основном, коллегам, потому что друзей у моего мужа тоже было раз-два, и обчёлся. Им с мамой хватало друг друга.

Наверное, расскажи я всё это кому-нибудь незнакомому, даже психологу, никакой другой реакции, кроме как покрутить пальцем у виска и спросить, для чего мне это нужно, я бы не дождалась. А когда я промолчала бы в ответ, меня бы сочли меркантильной особой и содержанкой. Которая терпит такое отношение ради материальных благ. Наверное, я бы сама так сказала, я бы так решила. Но все мои материальные блага на данный момент перекочевали в мой кошелёк тысячной купюрой. И у меня при мысли о том, что в моём кошельке появились деньги, колотилось сердце и потели ладони. Потому что кроме этой тысячи рублей сегодня, лично у меня ничего не было. Только платья, туфли и шубы в шкафу. Которые, по сути, мне и не принадлежали. Это были, так сказать, инвестиции мужа. В нашу супружескую жизнь.

Я оделась, накинула лёгкий плащ поверх скромного трикотажного платья, купленного за большие деньги в бутике известного бренда, сунула ноги в туфли от Шанель, сразу став выше почти на десять сантиметров, взяла сумочку и кинула в зеркало взгляд на своё отражение. Хотела лишь удостовериться, что выгляжу прилично, что никакая прядь из причёски не выбилась, тушь под глазами не размазалась, шарфик повязан, как надо. Я посмотрела, и неожиданно замерла. Смотрела на себя в зеркало, и понимала, что вижу чужого, незнакомого мне человека. Из зеркала на меня смотрела красивая блондинка, достаточно высокая и стройная. Одета

сдержанно, но, безусловно, со вкусом. Скромный, неброский макияж, волосы убраны назад, перехвачены дорожкой заколкой из черепашьего панциря, и на лице совершенно бесстрастное выражение. Я была похожа на выпускницу гимназии для благородных девиц. Будто сошла с обложки журнала о светской, но очень скучной жизни. И, наверное, когда-то я мечтала жить в том достатке, в тех условиях, в которых живу сейчас. Но вот такой... скучной и до неприимиримости сдержанной, точно, быть не мечтала. Потому что никогда такой не была. А сейчас в моей голове сплошные планы и расписания. Чёткое понимание и разбор каждой, даже мелкой ситуации, что со мной приключается. Я научилась контролировать чувства и эмоции, свою экспрессивность. Я её изжила в себе, лишь потому, что моему мужу во мне это претило. Любое проявление характера не соответствовало его представлению об идеальной жене.

Я заставила себя сдерживать вздох, который так и рвался наружу. Ведь вздох – это доказательство какого-то явно проявляемого недовольства, а чем мне было быть недовольной? Моя жизнь идеальна.

Мы жили в новом, огромном жилом комплексе в центре города. У подъездов не было клумб и скамеек, на которых бы могли сидеть местные сплетницы. Выходя из подъезда, ты попадал в закрытый для чужих двор-колодец с современной детской площадкой в центре и стоянкой для машин в стороне. Квартир и жителей было столько, что просто случайно познакомиться с кем-либо было невозможно. Наверное, мамочки, гуляющие с детьми, знали друг друга, а все остальные лишь мельком здоровались, а то и не здоровались вовсе, бежали дальше по своим делам. Выходили по утрам из подъезда, как мой муж, садились в машину и уезжали. А вечером возвращались, доходили до лифта и скрывались за дверью своих квартир. Вот и вся жизнь. Здесь не проводилось общих собраний или субботников. Вся информация сообщалась по электронной почте, а работы совершали наёмные сотрудники. Ни с кем специально не нужно было пересекаться, искать встречи и сводить знакомства. Слава был очень доволен этим фактом обособленности. Он называл это правильным построением отношений между соседями.

Я же, будучи уже два года домохозяйкой, тоже с соседями особо не контактировала. Даже с ближайшими. Во-первых, с моим ритмом жизни случайно встретить кого-то, было трудно. Основная масса жителей разбегалась по утрам, а возвращалась вечерами. В эти часы мне из квартиры было не выйти. У меня был свой распорядок. Проводить и встретить мужа. К тому же, как было дружить с кем-то? Слава бы не потерпел чужих людей в доме, даже соседей, даже ради того, чтобы поддержать свою репутацию безукоризненно воспитанного человека. А когда я оставалась одна в квартире, мне и вовсе не разрешалось кого-то принимать у себя. Слава тут же выходил из себя. Даже если возникала необходимость пригласить мастера для выполнения мелких работ, одну меня не оставляли. Обязательно прибывала Полина Григорьевна, и за всем пристально наблюдала и слушала, как я разговариваю с незнакомым мужчиной. Что ему говорю, как на того смотрю и сколько денег ему даю. Так о каких друзьях и общении речь?

Но, откровенно сказать, мне частенько становилось тошно от одиночества. Именно тошно, а не скучно. Хотелось выть от тоски и беспросветности существования. Но когда я пыталась намекнуть на это Славе, он неизменно предлагал мне пригласить его маму на чай.

– Посидите, поговорите, – начинал он с безобразным воодушевлением. И тут же добавлял: – Мама жалуется, что ты совсем не уделяешь ей времени. А она такой интересный человек!

И после таких разговоров мне приходилось звонить Полине Григорьевне, приглашать её на чай, и та, конечно же, прибывала. Усаживалась на диван, а я вносила в комнату поднос с её же фарфоровым чайным сервизом, и мы пили с ней чай, и я выслушивала её речи, истории, все хвалебные оды, что она пела во имя любимого сыночка. Ну и, конечно, рассуждения о том, как мне повезло в жизни. Что Славочка обратил на меня, безродную девчонку, внимание, взял на себя ответственность и обязанность заботиться обо мне, обеспечивать и всему учить. Сами понимаете, что пару-тройку раз попавшись в эту ловушку, я больше постаралась мужу на скуку

не жаловаться. Что Славе, что Полине Григорьевне вполне хватало друг друга, можно пора- зиться, но лучшим другом моего тридцатисемилетнего супруга, была именно мама. А вот меня от их бесконечных признаний в любви друг другу и ласковых улыбок, всерьёз тошнило.

Автомобиля у меня не было. Я даже водить не умела, хотя, когда-то мечтала научиться и непременно сдать на права. После школы я мечтала, что когда-нибудь перееду жить в боль- шой город, устроюсь на работу и накоплю на машину. Пусть не новую и совсем маленькую, но я смогу ездить на ней, куда захочу. Сесть и уехать. В большой город я переехала, пусть не сразу после школы, но исполнила свой замысел, а вот машину так и не приобрела. Слава говорил, что мне водительские права без надобности, ведь ездить мне некуда. А когда нужно будет, он сам меня отвезёт. Возил он меня только тогда и только туда, куда было нужно ему. Но ведь не соврал? А до торгового центра я ходила пешком, находился он не так далеко, в десяти минутах неспешной ходьбы. В конце концов, живём мы в оживлённом районе города, недалеко от центра.

Выйдя на улицу, я раскрыла зонт, и, не торопясь, направилась по дорожке к площади. Шла и наслаждалась каждым вдохом, ароматом дождя и цветов, даже прохладными порывами ветра. Погода сегодня не радовала, но мне было хорошо. В такие моменты я чувствовала себя свободной. Я шла, носа дорогих туфель шлёпали по мелким лужам, брызги разлетались в раз- ные стороны, а в голове моей снова забились опасные мысли. Я шла и думала о том, сколько эти туфли стоят. И как бы я могла изменить свою жизнь, окажись эти деньги в моём кошельке, а не на ногах. Хватило бы на то, чтобы снять квартиру? Возможно. Месяц-другой. А если комнату? Можно было бы как-то извернуться, потерпеть, посидеть на хлебе и воде до того момента, как смогу найти работу. А какую работу я найду? Слава сжёг мою трудовую книжку, в которой и так-то было немного записей, ещё во время медового месяца. Он сделал это игра- ючи, говорил, что отныне мне не нужно думать ни о чём, он обо всём позаботится. А я, дура, помню, радовалась, смеялась. Была уверена, что вытянула выигрышный билет, и впереди меня ждёт только радость и благополучие. А теперь вот от этого самого благополучия не знаю, куда убежать.

Вот только гадай не гадай, а денег у меня таких не было. Они были на ногах. А в кошельке лишь унылая тысячная купюра. С которой Слава, наверняка, потребует предоставить сдачу. Не ради денег, а для порядка. Ведь, по его убеждению, деньги мне не нужны. А когда мне что- то понадобится: нижнее белье, помада или колготки, он мне всегда выдаст нужную сумму. Он ведь чудесный, идеальный мужчина. Предел мечтаний любой женщины. Мне даже откладывать не с чего, даже обмануть мужа было не в чем, он требовал чеки на все покупки. А потом скрупулёзно высчитывал, сколько я потратила.

Свои дела в торговом центре я сделала быстро, минут за двадцать. Зато могла спокойно посидеть на фигурной скамье у фонтана, погулять по этажам, разглядывая наряженных мане- кенов и платья из новой коллекции, вывешенные на самых видных местах. Музыка играла, витрины сияли, люди вокруг улыбались, и я почувствовала, что расслабляюсь. Странно было думать, что мне хочется остаться в этом магазине, а не возвращаться домой, в шикарную квартиру с дорогой обстановкой. Но я никогда не чувствовала себя в доме мужа хозяйкой. Даже гостьей себя не чувствовала, скорее, обслуживающим персоналом. Моё присутствие было необходимо для того, чтобы всё оставалось на своих местах, в порядке и не покрылось слоем пыли.

Я остановилась перед одной из витрин, разглядывала вечернее платье с вуалевой юбкой на стройном, длинноногом манекене. Платье было из сверкающей, переливающейся ткани, со смелым вырезом на груди и изысканным узором по лифу. Очень красивое. Я стояла и рас- сматривала его.

– Маша, здравствуйте.

Я в удивлении обернулась. Если честно, не привыкла к тому, что со мной на улице или в магазине здороваются. Просто потому, что здороваться было особо некому. Как я уже говорила, близкими знакомствами в этом городе я не обзавелась. Зачем они мне были нужны? У меня же есть семья, муж и свекровь. И сейчас я в удивлении смотрела на молодую женщину, миниатюрную брюнетку в броском, брючном костюме. Она смотрела на меня и открыто улыбалась. Она, явно, меня знала, а вот я её совсем не помнила. Но, на всякий случай, кивнула в ответ и вежливо ответила:

– Здравствуйте.

Видимо, на моём лице крупными буквами было написано недоумение, потому что девушка улыбнулась шире и ещё приветливее, а после и вовсе рассмеялась.

– Вы меня не помните? Мы встречались весной на юбилее Сафронова. Я работаю с вашим мужем. Ангелина. Вспомнили?

– Ах да. – Я облегчённо улыбнулась, и, на самом деле, вспомнила. Юбилей Сафронова был моим последним выходом в свет вместе с мужем, случилось это в апреле. И сам вечер я помнила, а вот всех присутствующих людей запомнить было проблематично. Но, видимо, я оказалась, куда более запоминающимся персонажем.

– Я мимо шла, смотрю, вы стоите, платьем любуетесь, – продолжила тараторить Ангелина. – Не смогла пройти мимо, уж извините. Но это платье вам бы очень подошло. Вы такая красавица. Владиславу Александровичу повезло с женой, ему это все говорят каждый раз, как вы вместе где-то появляетесь.

– Спасибо. – Я продолжила вежливо улыбаться, не совсем понимая, как реагировать на происходящее. Из-за воодушевления, с которым общалась подошедшая ко мне девушка, я не понимала, всерьёз она говорит или преувеличивает, преследуя какую-то цель. Я смотрела на Ангелину, видела её улыбку, и мне вдруг стало стыдно. А ещё неловко и как-то грустно. Из-за того, что я, оказывается, совсем перестала верить людям. И не понимаю их эмоций и поступков. Наверное, на самом деле, засиделась в четырёх стенах.

Мы вместе с Ангелиной полюбовались на платье, затем она поинтересовалась, не хочу ли я его примерить. Я отказалась. Конечно, девушке, так восхищающейся моим мужем, в голову не придёт, что у его жены, банально, нет денег в кошельке, не то что покупать себе платья стоимостью больше десяти тысяч рублей, просто потому, что оно ей приглянулось, а даже на более мелкие покупки.

– Пока нет повода надеть такое красивое платье, – улыбнулась я, стараясь отделаться шуткой.

Мне в ответ достался странный взгляд, с прищуром. А следом открытая улыбка. Одно с другим совершенно не вязалось.

– Уверена, что Владислав Александрович непременно что-нибудь придумает, чтобы вас порадовать.

Конечно, последние два года жизни, можно сказать, что в изоляции, давали о себе знать. Но всё же я родилась и выросла не в мыльном пузыре, и все эти мелочные, женские уловки, взгляды и интонации были мне известны. И в поведении Ангелины прослеживалась явная цель. Вот только какая? Уязвить меня, поддеть, умаслить, как жену начальника?

Поразмыслив секунду, я кивнула, соглашаясь. И сказала:

– Уверена, что так и будет.

После этого я извинилась, простилась и поспешила от женщины отойти. Попросту повернулась к ней спиной под благовидным предлогом, и направилась прочь. Если честно, очень хотелось обернуться и взглянуть на её лицо в этот момент. Уверена, что по нему можно было прочитать её истинные эмоции и чувства, но оборачиваться я не стала. Много чести.

Мой муж занимал руководящую должность в администрации города. Не сказать, что слишком высокую, но достаточно завидную. Люди шли к нему на поклон по многим вопросам,

а Славе это, определённо нравилось и льстило. Работу свою он любил, потому что ежедневно, благодаря ей, его самолюбие поливалось щедрой порцией бальзама. Я же порой задумывалась, что будет, если жизнь повернётся так, что муж своей должности лишится? С его высокомерием и привычкой вести себя по отношению к людям свысока, ему будет трудно смириться. Трудно перестроиться, найти другую работу по душе, но Слава о подобных не радужных перспективах точно не задумывался. Был уверен, что без него родной город не обойдётся. Никак. Будь у нас с мужем немного другие отношения, более доверительные и душевные, я бы пыталась с ним разговаривать, как-то его перенастроить, переживала бы по этому поводу, но душевность из нашей с ним семейной жизни давно ушла. Поэтому на его самомнение я давным-давно махнула рукой, и жила лишь своими проблемами. Которых у меня было много, но их вроде как и не было.

Какие могут быть проблемы у птички в золотой клетке? Её обязанность – быть идеальной женой, хорошей хозяйкой, исполнительной любовницей, а взамен излучать счастье и удовлетворённость своим положением. Наслаждаться теми благами, которые ей способен дать супруг. А я, судя по всему, ещё являюсь и объектом для зависти. А всё из-за того, насколько сильно мне повезло с мужем. Уж что-что, а зависть, тем более, женскую, я распознать могу. Когда-то сама была подвержена этой напасти. Смотрела на других и завидовала, мне казалось, что достаточная материальная база – залог счастья. Любого. Личного, семейного, общественного. Что это показатель удачливости – успешный муж.

На тему моей удачи и успешности Владислава, очень любила рассуждать моя свекровь. В принципе, это была единственная тема для разговора при нашем с ней общении. По крайней мере, всегда всё заканчивалось одинаково. Полина Григорьевна смотрела на меня с пристрастием и страданием во взгляде, после чего печально качала головой и произносила коронную фразу:

– Ты же понимаешь, как тебе повезло?

Имелось в виду, что повезло с мужем. Что Слава, мало того, что обратил на меня внимание, так ещё в жёны взял. Безродную, провинциальную девчонку. Которая не подходила ему ни по статусу, ни по кругу общения, ни по образованию. Даже именем не вышла. Я даже слышала однажды, как свекровь с пренебрежением выговаривала сыну, и произнесла:

– Эта твоя Машка!..

Можно подумать, что Машами девочек называли где-то глубоко в провинции, в деревнях, а в городе, в кругу их знакомых, ни одной Маши не было. Наверное, если бы я услышала её слова в начале нашей со Славой семейной жизни, они бы меня здорово задели, по крайней мере, разозлили, но к тому моменту мне уже было всё равно, что про меня думает Полина Григорьевна. К тому же, как со временем выяснилось, думать, рассуждать, а тем более спорить, мне не полагалось.

Ещё за дверью квартиры, только вставив ключ в замочную скважину, я услышала трезвонящий телефон. Мне захотелось зарычать от злости, и в квартиру не входить. Представляю, сколько раз за последние два часа Полина Григорьевна набирала наш номер. И мне, наверняка, достанется. За то, что гуляю, а, точнее, шляюсь часами, непонятно где и с кем.

– И где же ты была? – задала свекровь мне тот самый вопрос, что я ждала. Причём тон был не столько обвиняющим, сколько нетерпимым. – Я звоню, звоню!..

– Я ходила в магазин, – ответила я. Ответила, а сама зажмурилась, прося себя сдержаться и не послать эту женщину, с её вопросами и требованиями, куда подальше.

– В магазин?

– Да. – И тут же добавила: – Слава в курсе. Он дал мне денег.

Полина Григорьевна громко хмыкнула в трубку.

– И что ты купила?

Я принялась перечислять. Говорила, а сама оглядывала гостиную, интерьер, выбранный дизайнером год назад. Обстановка была дорогая, изысканная, каждая мелочь и статуэтка на своём месте, нигде ни пылинки. Всё в светлых тонах, как любит Слава. Он любит после работы сесть в кресло, вытянуть ноги и насладиться тишиной, чистотой и покоем. И я сейчас, так же, как и вечерами, обводила комнату взглядом и представляла, как обливаю мебель бензином и кидаю зажжённую спичку. Огонь вспыхивает, а я стою посреди этого и улыбаюсь. Улыбаюсь от понимания того, что в моей жизни ничего этого больше не будет. Но вместо желаемого, под аккомпанемент голоса свекрови в телефонной трубке, я протянула руку и смахнула с полированной поверхности журнального столика едва заметную пылинку. Ей здесь было не место.

– Ты должна была мне сказать, что собираешься пойти, – вторгся в мои мысли противный, наставнический голос свекрови. – Я бы пошла с тобой. Мне необходимо больше гулять.

Поэтому и не сказала, подумалось мне.

– И хочь тебе напомнить, что на завтра я наметила уборку. Нужно непременно убраться во всех комнатах, ведь в субботу у меня будут гости.

– Я помню, Полина Григорьевна. Я непременно приду и помогу.

«Помогу» – означало «всё сделаю сама». Приду и сделаю. Уберу, приготовлю, загрузу стирку, переглажу. Завтра будет трудный день. Слава несколько раз предлагал матери нанять помощницу по хозяйству, которая бы приходила пару раз в неделю и делала необходимую домашнюю работу. Но Полина Григорьевна благородно отказывалась. Говорила, что совершенно не за чем тратить деньги, мы сами отлично справимся. Мы – опять же, означало, я. Сама Полина Григорьевна палец о палец никогда не ударит. По крайней мере, с тех пор, как появилась я. Я стала и кухаркой, и прачкой, и уборщицей. На две квартиры. Зачем ещё платить чужим людям? Машке всё равно заняться нечем. А тратит на меня, её сыночка много.

Однажды я воспротивилась. Полина Григорьевна, по привычке, не подбирая слов в моём присутствии, наговорила кучу неприятных вещей, я не сдержалась и ответила ей. Причём, была вполне вежлива, не послала старушку туда, куда ей следовало бы пойти с её неуважительным отношением к людям. Я ей ответила, а затем ушла, хлопнув дверью, оставив её посреди неубранной квартиры. А эта мегера, не будь дурой, вперёд меня набрала номер любимого сыночка, и доложила тому о моём неподобающем, хамском поведении. А ещё сообщила, что у неё сердечный приступ, гипертонический криз, и она собирается тут же скончаться. Наверняка ещё добавила:

– Твоя Машка меня убила!

В общем, ничем хорошим тот мой всплеск эмоций не закончился. Для меня, по крайней мере. Слава разозлился. Он очень разозлился. И с того дня у меня пропала охота посылать Полину Григорьевну словами, взглядами или даже наплевательским отношением к её просьбам. Я молча выслушивала и выполняла. Хотя, ненавидела, ненавидела себя за это. Я, вообще, их обоих ненавидела. А себя за то, что терплю и улыбаюсь. Это ведь откровенная трусость, правда?

Простившись с Полиной Григорьевной, я положила трубку телефона, вернулась в прихожую и сделала всё так, как должна была. Заперла дверь на два оборота, разулась, сняла плащ и повесила его на плечики. Аккуратно его на этих самых плечиках расправила и убрала в шкаф. Сунула ноги в домашние туфли (тапок Слава не признавал, называл их наличие бытовой пошлостью), выключила свет и прошла с пакетом покупок в гостиную. Оставила пакет на полу у журнального столика. Разбирать мне его было нельзя. Слава вечером всё проверит, сравнит сумму покупок с чеками внутри и заберёт сдачу. Только после этого я смогу забрать купленные мелочи себе.

Я оставила пакет, постояла рядом, тараща глаза за окно, на небо. Перед глазами поплыли круги от яркого света. Я зажмурилась. Внутри меня копилась и копилась злость. Которой не было выхода. Ведь моя злость, как выяснилось, против злости мужа была ничтожна, а я

начинала себя чувствовать особенно бессильной. Ногти впились в кожу ладони, я сжала кулаки, но затем заставила себя выдохнуть. Отправилась на кухню, готовить ужин. Меню на неделю висело на холодильнике, придерживаемое магнитом в виде Эйфелевой башни. Я сама купила его в Париже, в наше последнее путешествие. Наверное, магнит должен был навевать на меня приятные воспоминания, когда-то я мечтала о том, что буду гулять по Парижу. Слава эту мою мечту исполнил, но никакой радости в моей душе от этого не родилось.

Слава порой злился на мою безэмоциональность, как он это называл. Возмущался, ругался на меня. Он хотел на каждый свой жест, подарок, преподношение, целый взрыв чувств, бурной радости, наверное, восторгов и визгов. И я изо всех сил пыталась выказывать своё счастье и очарование, ахала и улыбалась, когда он дарил мне цветы или подарки. Старалась себя перебороть, чтобы кинуться мужу на шею и поцеловать в благодарность. Но проблема была в том, что я никогда не знала, какой именно реакции Слава ждёт на свой подарок. И если я не угадывала, он начинал злиться и кричать, обвинять меня в том, что я плохая жена. Выдержка, степенность и благоразумие покидали его в тот момент, когда он переступал порог квартиры. В ту секунду, когда он начинал чувствовать себя хозяином положения, а рядом оказывался кто-то слабее, кто-то зависимый от него.

Чёрт, да. Я боюсь своего мужа. Точнее, того, в кого он порой превращается. В жёсткого, деспотичного человека. И, наверное, от этого самого страха, я и совершаю ошибки. Не угадываю, не могу угодить, вовремя сделать то, что нужно, и его успокоить. Я не учусь на своих ошибках. Это его главное обвинение в мой адрес. Возможно, он прав. Не могу учиться, паникую. И дышать, и существовать, как личность, хотя бы в попытке её сохранить, могу только когда остаюсь одна. И надо мной не довлеет он или его мама.

Ужин был готов вовремя. Перед приходом мужа я обошла всю квартиру и проверила всё ли в порядке. Идеально ли заправлена постель, как развешены полотенца в ванной комнате, достаточно ли взбиты подушки на диване в гостиной. На диван никто никогда не садился, только редкие гости, появляющиеся в нашей квартире, но выглядеть всё должно было идеально. И стол к ужину должен был быть накрыт по всем правилам. С полным набором столовых приборов, с хрустальными бокалами и накрахмаленными льняными салфетками. Слава любил вечером выпить бокал вина или немного коньяка, мне же дома пить не разрешалось. Лишь выходя с мужем в свет, на деловые ужины и мероприятия, на которые его приглашали в сопровождении супруги, мне позволялось выпить бокал шампанского. Для вида, чтобы никто не задавал ненужных вопросов.

– Женщине алкоголь совершенно ни к чему, – говорила Полина Григорьевна каждую новогоднюю ночь, когда под бой курантов мне вручался бокал с соком или минеральной водой. – Ты что, горе какое-то рядом с мужем запиваешь? Может, кому-то и приходится, а тебе в жизни несказанно повезло.

Да уж, мне повезло несказанно. Я о подобном счастье даже не мечтала.

Слава был ужасным педантом. Замечал всё, каждую деталь. В начале нашего брака я долго не могла привыкнуть к его требованиям, похожим на придирки. До начала нашей совместной жизни я понятия не имела, что люди могут быть столь зациклены на деталях. На том, на каком уровне развешены полотенца в ванной, на том, как расставлена обувь в прихожей, в какой последовательности стоят чашки в шкафу. У всего в доме было своё место и свой порядок. И мне пришлось всё это выучить, чтобы не ошибаться. Потому что, если осечки случались, мне предстояло выслушать часовую отповедь о том, что у меня не так уж много в этой жизни обязанностей, чтобы я не справлялась с самыми примитивными.

Но не надо думать, что мой муж ужасный монстр. Слава бывает милым, приветливым, он интересный собеседник, умеет радушно и открыто улыбаться. Он умеет обращаться с женщинами, проникновенно смотреть им в глаза и говорить именно те слова, которые женщины так ждут. Приятности, комплименты, он умеет давать и выполнять свои обещания. В конце

концов, он красивый, высокий, импозантный, весьма привлекательный мужчина. Достаточно обеспеченный, способный соблазнить и поразить женское воображение. И ведь все прекрасно понимают, что женщинам, по сути, многого и не нужно. Не нужно миллионов, особняков и яхт, ну разве что единицам, особо прихотливым. А остальные мечтают иметь рядом с собой надёжное мужское плечо. Человека, который будет смотреть на тебя и говорить, что ты ему нужна. Вот когда-то я на это и попала. Потому что Слава на меня смотрел влюблёнными глазами, и говорил именно то, что я хотела услышать. Что он всегда мечтал встретить такую девушку, как я, что я самая красивая, самая лучшая, и он мечтает на мне жениться. Его речи льстили и поднимали мою самооценку приезжей девушки без особых перспектив, оказавшейся в одиночестве в большом городе. Я почувствовала себя роковой женщиной, настоящей красавицей, Слава дал мне поверить в то, что это я его соблазнила, и ему от меня никуда не деться. Я опомниться не успела, а на моём пальце уже оказалось колечко с бриллиантом, и вот я, в шикарном свадебном платье, ставлю подпись в книге регистрации в загсе. Я перевыполнила свой собственный план, вышла замуж за обеспеченного, самодостаточного мужчину, который влюблён в меня по уши.

– Дорогая, я дома!

Мягко хлопнула, закрываясь, входная дверь, а меня пробрал озноб. От одного только голоса «влюблённого в меня по уши» мужа. Я застыла у накрытого стола, поспешно провела ладонью по фартуку в оборках, надетому на мне. Кто бы знал, как я ненавидела этот фартук! Сама себе напоминала Фрекен Бок. Сразу почувствовала себя глупой, грузной и неинтересной.

Слава появился в коридоре, затем в дверях кухни, а я поспешила натянуть на лицо счастливую улыбку. Сказала:

– Привет.

– Привет. – Кажется, он был в благодушном настроении. Подошёл, наклонился ко мне и благочестиво поцеловал меня в лоб. Любил он такие поцелуи. Заглянул мне в глаза. Секунда, которую необходимо было выдержать, не дрогнув. – Пахнет вкусно, – вроде как похвалил он.

– Отбивные и горошек, – сказала я. – Как ты просил.

– Обожаю отбивные и горошек. – Не знаю, почудился ли мне намёк в его голосе. Мне во всём, в каждом жесте и интонации мужа мерещился намёк, и я всегда была настороже. Это очень, очень мешало жить.

Я суетилась на кухне, подогревала и подавала к столу мясо, пока Слава переодевался, мыл руки и, наконец, появился на кухне. Он сел за стол, а я поторопилась поставить перед ним тарелку с горячим ужином.

– Как прошёл твой день? – спросил он, приступая к еде.

Я села напротив него, с прямой спиной, аккуратно разложила салфетку на коленях, взяла в руки нож и вилку. Делала вид, что ем, хотя, если честно, перед ужином с мужем всегда старалась немного перекусить, потому что в его присутствии, под его, бывало, тяжёлыми взглядами, мне кусок в горло не лез.

– Всё хорошо, – ответила я. – Я оставила пакет с покупками в комнате.

Слава кивнул.

– Я посмотрю после ужина. Что-нибудь ещё случилось?

Я сделала вид, что задумалась, после чего легко пожала плечами.

– Вроде нет. Только с мамой твоей говорила. Она просит завтра помочь ей по хозяйству.

На это Слава ничего не ответил, начал рассказывать про свой день. Хотя, его рассказы не носили никакого определённого характера, никаких конкретных деталей и нюансов про его благородную общественную деятельность он мне никогда не рассказывал. Всё расплывчато, размыто, и, в итоге, все его речи сводились к тому, как его уважают и не могут без него обойтись. Я всегда внимательно слушала, кивала и поддакивала. Это всё, что от меня требовалось.

После ужина я убирала на кухне, украдкой наблюдая, как Слава в гостинной разбирает мои покупки. Как выкладывает на стол крем для лица, пару упаковок колготок, упаковку прокладок, набор кухонных полотенец, всё, что сам утром разрешил мне купить, и сверяется с чеками. Он в этот момент выглядел очень внимательным и сосредоточенным. Затем пересчитал сдачу, лежащую рядом. Если честно, там осталась банальная мелочь, копейки, но мне и этого никогда не оставляли, даже на кофе или стакан воды, если вдруг мне станет плохо в магазине. Если плохо – сиди дома. Таков был ответ. А меня, при виде его сосредоточенной физиономии, будто он в этот момент годовой городской бюджет сверял, затошнило. И я отвернулась.

– Маша.

Я вытерла руки, со всей аккуратностью развесила кухонное полотенце, и пошла на голос мужа. Остановилась в ожидании, а Слава спустя пару секунд, повернул голову и на меня посмотрел. Его взгляд стал тяжёлым.

– Я тебя звал.

– Я пришла.

– И молчишь. Тебе нечего мне сказать?

Смотреть ему в глаза сейчас было нельзя. Никак. Но нужно было оставаться спокойной.

– Почему нечего?

– Я не знаю. – Он отодвинул от себя пакет с моими покупками. Хотя, их и покупками-то было стыдно назвать. Прокладки с колготками.

– Ты хочешь, чтобы я с тобой посидела?

– Вообще, ты моя жена, это твоя обязанность – быть со мной. Но я не об этом. Я спрашивал тебя, как прошёл день, чем ты занималась, а ты мне соврала.

Вот это было плохо. Стоило немедленно удивиться. Сделать хоть что-нибудь, потому что внутри уже наметилась паника, за которую я себя презирала.

– Слава, я не врала. Про что конкретно ты говоришь?

– Не хочешь рассказать, кого ты встретила в торговом центре?

Ах да, Ангелина. Свалилась на мою голову.

Я выдавила из себя улыбку.

– Да, твою подчинённую. Я совсем о ней забыла.

– Забыла?

– Я её и не помнила. Она сама ко мне подошла. – И следом торопливо, будто оправдываясь, добавила: – Правда. – И нервно сглотнула. Не нужно, не нужно было этого делать. Необходимо было как-то сдержаться.

– И о чём вы говорили?

Это надо же быть такой мерзавкой? Прийти на работу и поспешить докладывать начальнику, что встретила в торговом центре его жену. С какой, спрашивается, стати?

– О платье, – сказала я, причём, сказала чистую правду.

– О платье?

– Мы обе остановились у одного и того же манекена. Платье было красивое, – пролепетала я, наблюдая, как муж поднимается и подходит ко мне. Я всеми силами старалась улыбаться ему, хотя уже понимала, что улыбка меня не спасёт.

– Да, красивое, – повторил он. – С глубоким декольте. И зачем тебе такое платье?

– Я не собиралась его мерить. Я просто смотрела.

– Зачем?

Я больше не могла ему ничего сказать. Могла только смотреть в его лицо и моргать часто, как собака. Потому что безумно боялась этого тона, этого пристального взгляда, того, что Слава приближался ко мне шаг за шагом. Мне хотелось зажмуриться и исчезнуть. Раз и навсегда из этого дома.

– Что ты ей наговорила? – вдруг рыкнул он. – И почему мою жену обсуждают теперь в каждом кабинете, то, как она покупает себе проститутские платья?

– Я не покупала, – выдохнула я, и замолкла, захлебнувшись глотком воздуха, когда на моём горле сжались сильные пальцы.

Я застыла, как застывала всегда. Мне стало больно и нечем дышать... И всякий раз в моменты, когда мой муж гневался, я вспоминала, как он счастливо улыбался, надевая мне на палец обручальное кольцо. Как прижимался губами к моей руке, и вспоминала его слова:

– Я хочу, чтобы ты принадлежала мне. Хочу, всегда быть с тобой. И буду.

Сейчас я, вспоминая тот день, мысленно добавляла: до самой смерти. По всей видимости, моей.

ГЛАВА 2

Умирать я не собиралась. По крайней мере, ближайшие лет пятьдесят. Но понимала, что запуталась. Правда, слово «запуталась» приходило мне в голову после определения «попала». И чувствовала, что чем больше времени проходит, тем сильнее я погружаюсь в жизнь запуганной затворницы. Чем дольше я живу со Славой, тем более зависимой становлюсь. Смешно, но порой ему удавалось убедить меня в том, что я, на самом деле, виновата. В чём угодно, даже в мелочах. Ведь если я не могу справиться даже с мелкими бытовыми и жизненными неурядицами, то разве я нормальная женщина и хозяйка? Если у меня ничего не получается, всё валится из рук? Если я деградирую, умственно и физически, если к тридцати годам красота моя блекнет, а жизненные навыки уходят. А, меж тем, мне созданы все условия для беспроblemной жизни. Мне даже работать не нужно, потому что у меня такой замечательный, заботливый муж. Который оберегает меня от всего, от всех напастей. А я говорю не то, веду себя неподобающим образом, выгляжу неряшливо, по крайней мере, не столь идеально, как должна, а порой даже элементарно не могу приготовить вкусный ужин. Хотя, ничего феноменального, в плане блюд, Слава не просит. Он ест одно и то же, на каждый день недели у нас определённое меню. Неужели трудно научиться готовить эти блюда вкусно?

Сказать, что мой муж был неуправляемым монстром – нельзя. В его отсутствие я иногда проглядывала истории женщин в интернете, застрявших в таком же токсичном браке, что и я. Некоторые истории были настолько ужасны, настолько безысходны, что я невольно задумывалась о том, что у меня всё не так уж и плохо. Слава не распускает бездумно руки, он, вообще, бездумно боится вида крови. Не швыряет меня об стены из-за мелкой провинности, не орёт благим матом и не угрожает убийством. Нет, убить он меня не хочет. Ему, напротив, необходимо, чтобы я была жива и здорова. И присутствовала рядом с ним именно в ту минуту, в которую ему это необходимо. Или уходила, когда мешаю. Ему нужно контролировать каждый мой шаг, каждую мою мысль и стремление. Ему нужна тень, а не жена. Послушная и покорная. И этой самой покорности он добивался любой ценой. А когда я пробовала сопротивляться, постоять за себя, начинал давить меня морально. И только если понимал, что ему не удаётся добиться результата, прибегал к физическим мерам.

Этого я и боялась больше всего. Слава довольно быстро обнаружил мою слабость. Лишь единожды он в гневе схватил меня за горло и сдавил, не слишком сильно, но в моих глазах в этот момент, видимо, отразился такой ужас и такая паника, просто от того, что я почувствовала нехватку воздуха, что ничего другого для моего наказания ему придумать не пришлось. Не знаю, что со мной творилось в эти моменты. Зная себя, я понимала, что вряд ли позволю себя избивать. Я начну сопротивляться, наверное, смогу дать сдачи. По крайней мере, прошлая я это точно бы сделала. Но когда муж хватал меня за горло большой, сильной ладонью, силы меня покидали. Я не знала, как бороться с ним в этот момент, боялась шевельнуться, боялась, что он меня задушит. Эта смерть казалась мне самой ужасной. Когда твоё горло безжалостно сжимают, будто выдавливая из тебя жизнь, тебе не хватает воздуха, в глазах предательски темнеет, а в груди начинается пожар. А над тобой в этот момент стоит человек, большой и сильный, и наблюдает за тем, как из тебя по капле уходит жизнь, последние силы покидают. У тебя от слабости подгибаются колени, ты невольно оседаешь, и от этого его хватка становится лишь сильнее, и ты превращаешься в послушную куклу в его руках. Именно этого эффекта Слава и добивался. Чтобы я стала послушной, перестала противиться, и не смела спорить. Подсознательно я понимала, что он разожмёт пальцы, и я останусь жива и почти невредима, но эти секунды, самые страшные, заставляли меня замирать от ужаса даже тогда, когда мужа не было рядом. Заставляли меня оглядываться, и бояться, что я сделаю что-то не то, он как-то узнает, и последует наказание.

Временами, если Слава сильно злился и мог не рассчитать свою силу, на моей шее оставались следы от его пальцев. В такие дни мне либо запрещалось выходить из дома, либо приходилось надевать одежду с высоким воротом. В моём гардеробе появились водолазки, которые я с детства терпеть не могла, и куча всяких шарфиков и платочков. Когда муж видел меня с шелковым шарфом на шее, неизменно говорил, что мне очень идёт. При этом в его голосе не было ни намёка на сарказм, и я его за это ненавидела. А его мама, по сути, единственный человек, с которым я общалась помимо супруга, даже если и замечала синяки и кровоподтёки на моей шее, видела следы слёз и переживаний на моём лице, делала вид, что ничего не происходит. И ещё усерднее принималась рассказывать мне о том, как мне в жизни повезло. Что Слава пошёл на то, чтобы взять в жёны такую, как я. Необразованную, малоимущую, практически невоспитанную приезжую девку. И я должна быть им обоим безмерно благодарна за ту жизнь, за те тепличные условия, которые мне создали. Когда мне ни о чём не нужно беспокоиться, лишь любить мужа, которого просто невозможно не любить. А я, во время этих проникновенных речей, смотрела на свекровь и гадала: догадывается ли она, какого монстра воспитала? И откуда, вообще, в людях берётся желание морально уничтожить другого человека?

А, самое главное, почему я позволяю так поступать с собой?

Я никогда не была жертвой. Ни в какой ситуации. Моё детство и юность можно назвать счастливыми, наполненными яркими, как мне казалось, событиями. Да, я выросла, можно сказать, что в нужде. Но почему-то никогда об этом не задумывалась. До зрелого юношеского возраста точно. Просто потому, что у меня всё всегда было в порядке. Не хватало денег, но хватало всего остального. Чувств, эмоций, любви, событий.

Родилась я в небольшом районном городке Нижегородской области. Самая настоящая провинция, со своими бытовыми устоями, размеренным образом жизни и скукой во взгляде окружающих меня людей. Скукой от того, что в их взрослой жизни практически ничего интересного не происходило. Работа, дом, дети. Люди копили на холодильники, телевизоры, особо везучие на автомобили средней ценовой категории. В городе игрались свадьбы, справлялись юбилеи. В центре нашего городка было целых три ресторана, все как один больше напоминающее кафе, а то и столовые, немного облагороженные. Но провинциальные жители, не видевшие ничего лучшего, были вполне довольны сервисом и обслуживанием. Когда-то в центре работало казино и бильярдная, и это были самые зланные и заманчивые места, но затем казино закрыли, и ночная жизнь городка заметно потухла. Но я в этом городе росла, и всё это казалось мне привычным и нормальным, достаточным для интересной жизни.

Семья у нас была совсем маленькая. Мы с мамой жили вдвоём. В маленькой двухкомнатной квартирке в спальном районе, у нас была небогатая, но вполне приятная жизнь. Когда никто никого не мучил, ни своим плохим настроением, ни слегка нетрезвым состоянием. К сожалению, жизнь в таких маленьких городках, обусловлена частой алкогольной зависимостью некоторых его жителей, особенно это относится к мужской части населения. Вокруг было множество семей с алкогольными проблемами. Мамины подруги в большей своей части приходили к нам жаловаться на супругов, а некоторые и на подросших сыновей. И завидовали тому, что мы с мамой живём спокойно, без шумящих и чего-то требующих мужчин. Хотя, если разобраться, чему завидовали? Что мой отец бросил мою маму, едва мне исполнилось два года? И с тех пор я его не видела, он даже алименты не платил. Просто забыл о нас, уехав из нашего городка в другой, похожий, но находящийся за двести километров. Единственная удача, что квартира, в которой они проживали, принадлежала маме, доставшись ей по наследству, и поэтому, особой потери от отъезда главы нашей семьи, мы не ощутили. По крайней мере, я точно. Когда достаточно подросла, я уже не помнила и не думала о том, что у меня, как у всех, должен быть папа. Кажется, даже вопросов маме по этому поводу никогда не задавала. Не было его и не было. И маму, опечаленную данным фактом, я не помню. К моменту моего взросления, она развод пережила и зажила дальше, спокойно. Правда, замуж больше

не вышла, и даже поклонников, появляющихся в нашем доме хотя бы изредка, я тоже не припомню. А ведь моя мама была симпатичной, миловидной женщиной со спокойным характером. Однажды я всё же спросила её, почему она больше не захотела выйти замуж, а мама лишь пожалала плечами и сказала:

– Не за кого.

Получается, что все свои лучшие годы мама посвятила мне. Работала на ткацкой фабрике, единственном масштабном предприятии в нашем городке, зарабатывала немного, приходилось экономить и выкраивать на какие-то нужные вещи или обновки для меня. И я сейчас, порой вспоминая свои детские и юношеские годы, начинаю ругать себя за то, что временами просила её купить что-то, без чего вполне могла обойтись. Но мне хотелось, очень хотелось. Новые джинсы, сумку или в кино. Мама почти никогда не отказывала, старалась, выкручивалась. Наверное, сэкономила на себе или занимала у знакомых небольшие суммы денег.

Я очень себя за это ругаю, но исправить уже ничего не могу.

Росла я с убеждением, что я красавица. Не знаю, кто мне эту мысль в голову вложил, но я почему-то всегда знала, что я красивая. С раннего детства любила наряжаться, крутиться перед зеркалом, разглядывая свои голубые глаза и длинные светлые волосы. Я любила улыбаться, и всегда была активной. Всегда была достаточно уверенной в себе. Наверное, с этой уверенностью наперевес я и отправилась в первый класс, где быстренько объяснила одноклассникам, как ко мне нужно относиться. Я милая, добрая, замечательная и очень красивая девочка. Именно такого отношения к себе и жду, заслуженного. Конечно, с таким настроем особо милой я точно не была, а уж нежной, доброй и всепрощающей точно. Но, как выяснилось, мальчикам любого возраста моя доброта была ни к чему. Начиная с третьего класса, меня провожали домой, носили за мной портфели и давали списывать домашку. Нет, училась я неплохо, звёзд с неба не хватала, но школьная программа не казалась мне сложной. Просто порой мне было некогда вникать в домашние задания. Я занималась, кажется, в половине доступных кружков, примыкающего к школе Дворца творчества юных. В начальных классах я рисовала и что-то там плела, а став постарше пошла в самодеятельность. Я и танцевала, и пела, и играла в каких-то постановках, участвовала во всех школьных мероприятиях. Ничего удивительного, что в школе я была звездой. К тому же, росла, на самом деле, красивой девочкой. Со мной все хотели дружить, и все хотели мне помочь. И в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет мне казалось, что вся моя жизнь пройдёт в этом водовороте признания моих заслуг. И внешних, и творческих. Я любила ходить в школу, когда я была школьницей, у меня всё получалось. Мама не могла позволить себе отправлять меня на конкурсы в Нижний Новгород, покупать мне новые и дорогостоящие наряды, но это мне совсем не мешало. Я и без финансовых вливаний в меня была самой красивой и самой талантливой девочкой в школе. Я лучезарно улыбалась, я готова была отозваться на любую просьбу педагогов, не боялась сцены и имела отличную память. С лёгкостью заучивала длинные тексты, и смело отправлялась отстаивать честь школы на любые отчётные мероприятия и конкурсы.

А потом детство неожиданно закончилось. В один день я осознала, что я учусь в одиннадцатом классе, осталось всего несколько месяцев, и школьная пора закончится. А что делать дальше – я просто не представляю. Мои одноклассники, которые не «звездили», не улыбались со сцены, не пели и не танцевали, уже некоторое время тихо зубрили, собираясь поступать кто куда. В ВУЗы, в техникумы, кто-то собирался перебраться в Нижний Новгород, а пара человек готовы были рискнуть и замануться на поступление и жизнь в Москве. А у меня в голове вместо дальнейшей учёбы был выпускной концерт, который мы готовили к этому дню.

А дальше что?

В то время я встречалась с мальчиком. Звали его Андрюшка, и у его папы в нашем городе было несколько продуктовых магазинчиков. Они жили в двухэтажном коттедже в черте города, его отец ездил на «Ауди» семи лет от роду, и их семья в нашем городе считалась зажиточной.

Андрюшка был задорным, лёгким, улыбочивым парнем, обожающим спортивные костюмы. Мы составляли с ним довольно гармоничную пару. Я красивая, весёлая, привлекающая внимание, он большой, сильный и смелый. К тому же, ему выдавали достаточно карманных денег для того, чтобы он мог сводить меня в кино или в кафе. И с его родителями у меня были хорошие отношения, меня принимали в их доме, и я почему-то была уверена, что после того, как мы с Андреем окончим одиннадцатый класс, последует какое-то продолжение. Наверное, я думала об этом потому, что ничего другого мне в голову не приходило. Мама тоже, наблюдая наши отношения, пыталась намекнуть, точнее, узнать, не собираемся ли мы пожениться. Даже вздохнула как-то и посетовала:

– Было бы неплохо... пристроить тебя.

– Что значит, пристроить, мама? – удивилась я. И тут же встала в позу, уперев руки в бока и вздёрнув нос кверху. – Ещё неизвестно, кто к кому пристроился.

Наверное, мама всерьёз рассчитывала, что мы с Андрюшкой поженимся, и ей не нужно будет беспокоиться на мой счёт. На то, что я поступлю куда-то учиться, она не надеялась. А я теперь, спустя годы, не понимаю почему. Ведь мама ни разу даже не заговорила со мной на эту тему, притом, что у меня были весьма неплохие оценки, я вполне могла попробовать поступить на бюджет хотя бы среднестатистического педагогического вуза. Но разговоры на эту тему у нас в доме не велись. Я пела, танцевала, играла роли в школьных спектаклях, а потом это всё просто закончилось. И к своему огромному удивлению, я узнала, что мой Андрюшка, вскоре после выпускных экзаменов отправляется в Санкт-Петербург к тётке, будет поступать там, и, вероятнее всего, останется там жить, учиться и работать. Это был первый раз в моей жизни, когда я всерьёз растерялась, и мне искренне захотелось воскликнуть:

– А как же я?

Меня в его плане не было. Ни на каких ролях.

Наше столь нелепое расставание с Андреем стало для меня первым разочарованием в жизни. И дело было даже не в том, что расстанутся влюблённые. Как раз слёз, истерик и заламывания рук по этому поводу у нас не было. Но Андрей уезжал в свою будущую жизнь, а я не понимала, как он может взять и бросить меня. Меня! Я ведь красавица, я ведь яркая, его солнышко, как он меня называл. И вдруг меня в один день взяли и отодвинули в сторону, за ненужностью. Как куклу.

Это был первый звоночек. Откровенный намёк на то, чтобы я остановилась и задумалась. Но я его проигнорировала, потому что была переполнена обидой. Оказалось, что меня не любили, что я не такая замечательная, не такая неповторимая, что меня можно оставить позади, и уйти не обернувшись. Звоночек превратился в набат, бухал у меня над ухом, а я строптиво отмахивалась от этого звука.

– Что теперь будешь делать? – спросила меня мама. Она выглядела грустной и озабоченной.

Я же равнодушно пожала плечами.

– Что-нибудь интересное. Не пропаду.

Вот только оказалось, что мои детские и юношеские представления о взрослой жизни в маленьком, провинциальном городе, несколько отличались от реальности. Андрей уехал, едва отгуляли выпускной. И в те дни я ещё чувствовала себя занятой и нужной, а потом осталась совершенно не у дел. Все друзья и знакомые были заняты подготовкой к вступительным экзаменам, кто-то собирался уезжать, кто-то зубрил дома, а кто поступать не собирался, устраивались на работу. А я почувствовала настоящую растерянность. Вдруг выяснилось, что все мои таланты к танцам, вокалу и сцене никому не нужны. Я предприняла попытку поступить на хореографическое отделение педагогического ВУЗа в областном центре, но с наскока мне этого сделать не удалось. Не так велики оказались мои таланты. Очередная неудача ещё больше меня расстроила, я несколько дней невесело раздумывала о том, что же со мной не так, без

конца подходила к зеркалу и смотрела на себя. Оттуда на меня смотрела тонкая, звонкая блондинка с голубыми глазами и красивой улыбкой. У которой во взрослой жизни ничего не складывалось.

– Может, мне в Москву поехать? – задала я маме вполне гипотетический вопрос. Потому что с таким настроем, как у меня, покорять столицу не отправляются. Особого желания и стремления у меня к этому не было, лишь тоска по поводу того, что у меня всё складывается не так, как у всех. Неудачно как-то.

Мама посмотрела на меня, будто примериваясь, затем обречённо махнула рукой.

– Кто тебя там ждёт, в Москве этой? – вздохнула она. – Отправляйся работать. А через год будешь поступать, готовься.

Это показалось планом. Настоящим планом на будущее. Ведь ещё не всё потеряно. Я, на самом деле, могу поступить в институт через год, отучусь, получу высшее образование, и с ним у меня всё наладится. Ведь так? К этому все стремятся. Перееду жить в большой город, буду учиться, работать, стану по-настоящему взрослой и успешной. В голове я всё себе детально обрисовала, представила и была довольна той жизнью, что меня ждёт. Той жизнью, которая ещё не началась, но, наверняка, наступит. А пока покручусь здесь, в своём городке, подкоплю денег, устроюсь на работу, отдохну от уроков и экзаменов.

Особого выбора вакансий в нашем городке не было. Либо отправляться вслед за мамой на швейную фабрику, что она мне строго запретила, вдруг заявив, что я с этой фабрики никогда не выберусь, стоит на ней только оказаться. Либо устроиться в один из магазинов продавцом. Что я и сделала. И мне даже повезло, получилось найти работу в одном из крупных магазинов косметики и бытовой химии. Меня взяли туда за внешние данные, этот факт даже не скрывался, чтобы я радовала глаз покупателей стройной фигуркой и красивой улыбкой. А я сочла это везением. Откладывала с зарплаты деньги на свою будущую жизнь в областном центре, и ждала новостей от бывшего возлюбленного. Честно, я почему-то была уверена, что пройдёт месяц-другой, Андрей по мне соскучится, и обязательно позвонит и позовет к себе, хотя бы в гости. Но Андрюшка пропал с концами. Однажды в нашем магазине я встретила с его мамой, но та лишь вежливо поздоровалась со мной и больше ничего не сказала. Ни о сыне, ни обо мне не спросила, будто я была чужой, малознакомой девчонкой, и она не принимала меня у себя в доме много раз на правах девушки её сына. Наша с ней встреча заставила меня в очередной раз задуматься о том, что в жизни всё совсем не так, как я думала. Что, наверное, я слишком долго позволяла себе быть беспечным ребёнком и не задумываться о важном. Слишком много пела, танцевала и порхала по жизни. Как та стрекоза из басни. Лето красное пропела, оглянуться не успела... Это про меня.

В тот первый год после школы у меня ещё были определённые планы. Я собиралась сделать то, и то, собиралась поехать туда-то и туда-то, и была уверена, что у меня непременно всё получится. А потом заболела мама. Как-то неожиданно, нежданно всё случилось. Она стала себя хуже чувствовать, жила от больничного до больничного. Но храбрилась и пыталась меня заверить в том, что это временное, что всё будет хорошо, она поправится. Я поначалу верила. Как верил бы любой, чей близкий человек начинал болеть. Ведь всегда стараешься верить в лучшее. А потом, вместо того, чтобы пойти на поправку, мама оказалась на инвалидности, ей пришлось оставить работу. Она осела дома, несчастная и бесконечно плохо себя чувствующая. Ей требовалась операция, и в нашем городе её делать отказывались. Такие проблемы с сердечно-сосудистой системой в районных клиниках не лечили. А уж тем более, не оперировали.

– Нужно везти её в Нижний Новгород, – говорили мне врачи. – А ещё лучше в Москву.

– В Москву?

Медики разводили руками.

– На операцию в Нижнем Новгороде сможете получить квоту, весной её прооперируют. А для лечения в Москве вам, конечно, нужны будут деньги. Они у вас есть?

Я лишь качала головой.

– Нет.

Мне даже сумму не озвучивали, а я не спрашивала. Знала, что таких денег нам попросту не найти.

– Тогда вставайте на очередь, – посоветовали нам. – Ждите вызова.

Как оказалось, самое страшное – это ждать. Ждать, наблюдая за тем, как близкий человек с каждым днём гаснет и слабеет. В тот год, когда мама болела, я и осознала, насколько же я беспомощна. Выяснилось, что все проблемы, с которыми я сталкивалась до своих двадцати лет, решала за меня мама. А я ничем ей не помогала.

– Ты совершенно не знаешь жизни, Маша, – сказала мне однажды тётка, мамина двоюродная сестра. А я, вместо того, чтобы возмущённо фыркнуть, как делала раньше, с ней согласилась.

О каких институтах и поступлениях я могла тогда думать? Я забыла обо всем, чувствовала себя настолько беспомощной, что хоть кричи. Но кричать было нельзя. И вместо крика и слёз, я отправилась искать ещё одну работу. Во время маминой болезни, деньги казались спасением. Думалось, что вот заработаю я достаточно, и она тут же чудесным образом выздоровеет. И весь этот кошмар закончится. Ведь кошмар состоял в том, что я осознала, что кроме мамы у меня больше никого в целом свете нет. Какие-то дальние родственники, дядьки, тётки, двоюродные и троюродные братья и сестры, с которыми я не виделась месяцами, а то и годами. И никому из них до меня нет никакого дела, как и мне до них, по сути. И если я лишусь мамы, то останусь одна на целом свете. Никому ненужная, никто обо мне не побеспокоится. Даже о том, поела ли я, спала ли достаточно, во сколько вернулась домой... В юности меня так раздражали эти вопросы, я требовала, чтобы меня перестали контролировать, а потом ужасно испугалась, что лишуюсь этого.

Я устроилась певицей в ночной ресторан в центре нашего города. Ресторан был с претензией на шик, но, по сути, являлся усовершенствованной кафешкой с грузинской кухней и живой музыкой по выходным. С певицами, как и с хорошими ресторанами, в нашем городишке было туго, поэтому, услышав через знакомых, что хозяйева ищут новую певчую птичку, после того, как их прежний королёк ушёл в декрет, я поспешила туда, и достаточно легко прошла конкурсный отбор. Отбор был так себе, если честно, кроме меня ещё две девушки, которые точно не тянули по внешним данным, а во мне сошлось всё. На работу меня приняли, я должна была трудиться три вечера в неделю, с пятницы по воскресенье, с определённым репертуаром. Ресторан принадлежал грузинской семье, довольно многочисленной, и я, если честно, поначалу переживала, все знакомые меня запугивали последствиями и сексуальными преследованиями, но, как оказалось, у хозяина заведения, добротного сложенного мужчины лет сорока, была весьма требовательная и характерная жена. Она часто появлялась в заведении, и следила за всем бдительным взглядом. И за мной в том числе. Конечно, её пристальный, требовательный взгляд и отношение к моей персоне несколько напрягало, но зато никто из её родственников мужского пола ко мне не приближался ближе, чем на расстояние вытянутой руки. Боялись её реакции. И муж, в том числе. И со временем я успокоилась, даже порадовалась её пристрастному отношению.

Конечно, особо гордиться такой работой не получалось. Тем более, живя в маленьком городе, где все друг друга через вторые-третьи руки знали. Знакомые начали посматривать на меня с намёком, родственники задавать неудобные вопросы, и каждый раз оправдываться мне вскоре надоело. Деньги, которые я зарабатывала пением в ресторане, позволяли нам с мамой жить, по крайней мере, не сводя со скрипом концы с концами. А ещё понемногу, но откладывать. К тому же, это только пристрастным наблюдателям со стороны казалось, что я там зарабатываю баснословные суммы. А откуда им было взяться? В ресторан приходили среднестатистические жители нашего города, ну, может, чуть лучше зарабатывающие, чем

остальные. К тому же, я пела на сцене, а не ходила между столами и подвыпившими весёлыми людьми, чтобы они могли совать мне в карман чаевые в благодарность. Так что, в основном, я получала только то, что согласны мне были платить хозяева. За три дня в неделю – это была небольшая сумма. Но позволяющая купить продукты, оплатить маме лекарства и купить что-то из одежды.

Так прошёл год, потом второй. Жизнь текла монотонно, но как-то незаметно. Между одной работой, второй, домом и больницами. Поступать я, конечно же, не поехала. Разве я могла оставить маму? Она чувствовала себя плохо, слабой и безвольной, и практически не выходила из дома. Мы жили мыслями об операции, на которую следовало выехать в Нижний Новгород после вызова. И на это тоже требовались деньги. Чтобы в один день собраться и поехать, возможно, прибегнув в транспортировке больного к услугам специалистов. Состояние мамы меня совсем не радовало, а время шло, но ничего не происходило.

Однажды мне взгрустнулось, помимо работы и дома, в моей жизни ничего не осталось, и я по старой памяти набрала номер Андрюшки. Своего прежнего, так хорошо знакомого Андрюшки, которого за два года видела лишь раз, когда он приехал навестить родителей. Не знаю, чего я ждала от нашей с ним встречи, особых пламенных чувств, увидев друг друга, мы оба, как оказалось, не испытали, да и расставание наше прошло без особого трагизма. Мне было куда больше обидно, чем больно или печально. Но выходило так, что мои с ним отношения, были самым светлым пятном в моей жизни, о чём было приятно и интересно вспоминать. А потом я будто потонула в болоте, из которого выбраться никак не могу. И набрала номер своей первой любви. Кажется, Андрей обрадовался моему звонку, правда, после того, как удивился. Я оказалась голосом из прошлого, и это опять же показалось обидным. Мне хотелось с кем-то поговорить, услышать какие-то слова поддержки, но у Андрея было столько своих новостей, его жизнь в Петербурге была ключом, и вышло так, что я около получаса выслушивала, как у него всё замечательно складывается. Он учится, снимает квартиру напололам с приятелем, а ещё подрабатывает на фирме отца своей девушки. Андрею даже в голову не пришло, что мне может быть неприятно слушать о его новых отношениях, ведь по факту, мы с ним даже не расставались, он просто уехал от меня в другой город, не попрощавшись, как следовало бы. А теперь он описывает мне свою девушку, потомственную петербурженку, какая она красивая, стильная, воспитанная, и какой у неё папа, удачливый предприниматель. Даже отец Андрея, в нашем городе известный бизнесмен, рядом с ним лишь провинциальный торгаш. Так что, обратно в наш городок Андрей возвращаться не планирует, ведь делать здесь совершенно нечего.

С его выводами я, конечно, была согласна. Что уж тут скрывать и преуменьшать? Но выслушивать всё это было обидно и неловко. К тому же, Андрей даже не поинтересовался, для чего я ему звоню, возможно, мне что-то от него нужно. Он делился со мной своими новостями и планами на жизнь, и, в итоге, я с ним скомкано распрощалась и закончила разговор. Поклявшись себе, что больше звонить никогда не буду. Для чего? Мы с Андреем стали окончательно чужими друг другу людьми. Но в душе что-то тянуло и тянуло, не давало жить спокойно. Какой-то страх, что завтра я проснусь, и вдруг осознаю, что прошло ещё десять лет, и жизнь почти прошла, а я так и не сдвинулась с места.

– Прости меня, – сказала мне мама в Новый год. Мы сидели с ней вдвоём за накрытым столом, настроения готовить и праздновать не было, но я себя буквально заставила. Чтобы всё было не хуже, чем у других. Оливье, бутерброды с икрой, фрукты и шампанское. Мы сидели с мамой за столом, пять минут назад пробили Куранты, мы сделали по глотку шампанского, и теперь сидели, уставившись на экран телевизора. Где люди радовались, веселились, улыбались и желали друг другу всего самого лучшего в наступившем только что году. А мы с мамой молча за ними наблюдали. А потом она сказала: – Прости.

Я на неё посмотрела, удивлённо.

– За что?

– За то, что из-за меня у тебя всё пошло не так в жизни. Что ты молодая, красивая, сидишь здесь со мной вместо того, чтобы устраивать свою жизнь.

Я невольно усмехнулась. Сделала ещё глоток шампанского.

– А как её устраивать, мам? – Я вздохнула, крутила в руке бокал. В голове роились совсем невесёлые мысли. – Куда и к кому идти, что предпринять? Может, дело как раз в том, что я не представляю? И никогда не представляла, – призналась я.

– Ты могла бы поехать в Питер с Андрюшкой, а осталась со мной.

Я на неё посмотрела.

– Мама, он меня с собой не звал. Зачем я ему там? У него всё отлично. Учёба, работа, замечательная девушка. На самом деле, замечательная. А не я, школьная актриса и певица.

Мама от моих слов расстроилась.

– Зачем ты так говоришь?

– Потому что это правда. Нужно трезво оценивать свои способности. Жалко, что я раньше этого не поняла. Тогда, возможно, перестала бы порхать гораздо раньше.

– А что хорошего в том, чтобы перестать порхать? – вдруг задала мама риторический вопрос. И улыбнулась мне. – Ты росла такой жизнерадостной девочкой. Такой красивой, такой лёгкой и воздушной. Мне было так приятно за тобой наблюдать. А сейчас я переживаю. Маша, ты совсем перестала улыбаться. И в этом виновата я.

– Ни в чём ты не виновата, – бросилась я её защищать.

Мама махнула на меня рукой. Затем вытерла выступившие слёзы.

– Я так хочу, чтобы у тебя всё было хорошо. – Она вдруг протянула руку и положила ладонь на моё запястье. Несильно сжала его. – Пообещай мне, что, когда я умру, ты здесь не останешься. Уедешь в большой город. Продавай квартиру и уезжай.

– Мама...

– Ты очень красивая, ты сможешь устроить свою личную жизнь. Но не здесь. За кого здесь замуж выходить?

– Мама, перестань говорить глупости. И ещё эти ужасные предостережения!..

– Никакие они не ужасные. Говорю то, что есть. Пообещай мне.

– Не буду я ничего обещать, – возмутилась я. – Сама понимаешь, что говоришь?

– Понимаю. Но я же не прошу тебя, меня завтра бросить и уехать, а потом... потом мне будет всё равно. И чего ты возмущаешься? Это всё равно когда-нибудь случится, все люди умирают.

Мама пыталась прикрыть свои мрачные прогнозы по поводу своей скорой смерти шуткой, улыбкой, равнодушным взмахом руки, а я смотрела на неё, бледную и уставшую от болезни, и у меня от острой жалости и понимания своего бессилия, сжималось сердце. Но что я могла сделать? От меня, к сожалению, ничего не зависело. Поэтому я пообещала. Дала глупое, ни к чему меня не обязывающее обещание, уехать в большой город и попытаться устроить свою жизнь там. А мама в ответ на моё обещание, довольно кивнула и, кажется, успокоилась.

Мама умерла летом. Уже после операции. Организм не справился с последствиями, как мне сказали врачи в кардиологическом центре, в котором мы оперировались, что операцию нужно было делать гораздо раньше, поэтому за результат они поручиться не могли. Никто не мог. И через три месяца после операции, я осталась одна. После похорон, на которые пришли всего десять человек, я сидела одна в опустевшей квартире, смотрела то на одну стену с фотографиями в рамках, то на другую, и совершенно не понимала, что мне делать дальше. Для кого стараться? Смысл вдруг ушёл, и я растерялась. Ушёл именно смысл, потому что послезавтра мне предстояло, как обычно, подняться в семь утра по будильнику и отправиться на работу, а вечером пятницы меня ждали в ресторане, и мне нужно было петь, веселить людей.

А у меня ком в горле, по крайней мере, сейчас. Но самое страшное не в этом. Самая страшная мысль посетила меня после. Что закончив работу, отпев в ресторане, мне предстояло вернуться домой. А меня здесь никто больше не ждал, и от осознания этого хотелось плакать и кричать от бессилия. И задаваться тем самым риторическим, никчёмным вопросом: мама, почему ты меня оставила одну?!

Совсем недавно мне исполнилось двадцать три года, и вот я сижу на пуфике в прихожей, и совершенно не знаю, что делать со своей жизнью. Как незаметно пролетели последние пять лет! Они просто прошли, не успела я моргнуть и глазом. И они прошли совсем не так, как я рассчитывала. Учась в школе, мне казалось, что к двадцати трем годам я буду непременно замужем, и уж точно – буду счастлива. Ведь я всегда была счастлива, в моей жизни всегда всё складывалось удачно, и меня все вокруг любили, не уставали подбадривать и верить в мои таланты и возможности. Так где все эти люди?! Где их вера в меня?

Школьные подруги либо уехали, либо повыходили замуж и погрязли в заботах семейной жизни. Если я встречала кого-то из бывших подружек на улице, то практически каждую с коляской. Мы останавливались, улыбались друг другу, пытались о чём-то разговаривать, я косилась на бутуза, глядящего на меня круглыми, ошарашенными глазками, и тоже в ответ делилась новостями. Про жизнь, про работу, про планы на будущее. Про личную жизнь. Которая, вроде как, была, но, на самом деле, её не было. После отъезда Андрея, ни одного мало-мальски серьёзного романа не случилось. Уже не говоря о настоящих отношениях. Ухаживали за мной много, порой даже красиво, привлекательная внешность делала своё дело, внимание я к себе приковывала. Но всё это разбивалось о разные ожидания, мои и моего поклонника, да ещё и кучу моих проблем. Молодые люди хотели лёгкости, заигрывания, моего трепета по отношению к ним, а не моих финансовых проблем и больной матери, к которой я бежала по первому её звонку. Некоторые из этих индивидов всерьёз полагали, что я должна выбрать их, а не маму. Не бежать, остаться, сосредоточиться на них, таких неповторимых и замечательных. А я уходила, не задумавшись, и развитию отношений это совсем не способствовало, если честно. А, возможно, не способствовало как раз то, что мне никак не встречался человек, которого я бы захотела поставить выше других своих целей и ответственностей. Работая в ресторане, красуясь у микрофона, не привлечь к себе внимание, было достаточно трудно. А уж внимания от подвыпивших, осмелевших Казанов было с избытком. Но попадались и корректные, адекватные молодые люди, которые приглашали на свидания, дарили цветы, даже влюблялись в меня, но я жила в ощущении, что я задыхаюсь, и ни что меня не радовало. И так получилось, что в день смерти, в день похорон мамы, мне даже некому было позвонить. Ни одного близкого человека рядом со мной не оказалось. Какие-то дальние родственники, двоюродные и троюродные тетки, мамыны приятельницы с фабрики. И все эти люди, выражавшие мне соболезнования, после разъехались по домам, и я осталась одна. Вот тогда-то я и вспомнила слова, что мне мама сказала в Новый год. Предложила мне уехать. Потому что знала – здесь я никому не нужна. Да, всё знакомо, всё стабильно, не страшно, но я одна. В родном городе меня ничего не держит.

Но просто взять и уехать, собравшись в один день, я не решилась. Пару месяцев я обдумывала возможности, мысленно настраивала себя, просматривала варианты работы и съема жилья в Нижнем Новгороде, и старательно давила в себе сомнения и страхи. Из-за этих самых страхов решила не продавать квартиру, оставить себе шаги к отступлению. И даже позволила маминой двоюродной сестре заселить в нашу квартиру своего сыночка с семьёй. Конечно, я понимала, что мой безалаберный троюродный братец за время проживания превратит квартиру и без того с устаревшим ремонтом, практически в сарай, но всё же это лишало меня надобности оплачивать коммунальные платежи. Оплачивать я не собиралась, а вот следить за тем, с какой регулярностью это делают родственники, всё же следовало. А сама собрала лич-

ные вещи, которые уместились в один большой чемодан, и отправилась на вокзал, от которого каждые два часа отходил автобус до Нижнего Новгорода. А, по сути, в мою новую жизнь.

Никакого волнения или предвкушения по поводу своего переезда я не чувствовала. Уезжала с тяжёлым сердцем. И, наверное, это и задало всё настроение моей предстоящей жизни в большом городе. Который и не подумал встретить меня с распростёртыми объятиями. Сколько таких, как я, провинциальных смазливых девочек, приезжает каждый день? И все с планами, мечтами, большими ожиданиями!.. Вот только на всех удачи не хватает. А некоторые и вовсе возвращаются в родные городки и посёлки ни с чем.

Я помню, как стояла на вокзале, оказавшись в Нижнем Новгороде. До того дня я была на нём не один десяток раз. В конце концов, от нашего города до областного центра всего час езды. Но в Нижний я всегда приезжала по каким-то делам или с определёнными планами. Знала, что на последнем вечернем автобусе вернусь обратно, где всё будет привычно и спокойно, без суеты и тревоги. А в тот день я приехала, якобы, навсегда. И мне было ужасно не по себе. Со дня маминой смерти меня не покидало тягостное чувство, что я в целом мире одна. И мне теперь с этим жить.

Денег у меня было немного. Последние два месяца работы я старательно откладывала, каждую копейку, а перед отъездом обнулила все счета, вытащила всё из записки, но денег всё равно было катастрофически мало для жизни в таком большом и дорогом городе, как Нижний Новгород. Только съём квартиры обошёлся мне практически в треть всех накоплений. Хозяйка запросила оплату за два месяца проживания, и я, немного помучавшись и посомневавшись, согласилась. Найденная мной квартира и без того была достаточно бюджетным вариантом, то, что я смогла найти такой дешёвый вариант, можно назвать везением, и упускать его не хотелось. Конечно, старый спальный район на окраине, типовые «хрущевки», отсутствие ремонта и половины мебели, но ни на что более комфортное и дорогостоящее я ещё не заработала. У меня даже плана конкретного не было, если честно. Поискав работу на сайте вакансий, я поняла, что меня не особо где-то ждут. Изначально у меня была мысль попробовать устроиться певицей в ресторан, ведь в Нижнем Новгороде рестораны куда более солидные и дорогостоящие, но очень быстро мне стало ясно, что и сотрудников, включая музыкальное сопровождение, в заведениях областного центра выбирают тщательно и предвзято. По крайней мере, требуют подтверждение полученного музыкального образования. А у меня оно откуда? Я всегда выступала на сцене, ориентируясь на энтузиазм и харизму, но с пристрастными и придирчивыми хозяевами это вряд ли прокатит. Поэтому выбирала из вакансий, что попроще. А что у нас попроще?

Продавцы, курьеры, официанты...

За следующие полтора года я поработала на каждой из этих должностей. И на десятке других. Включая подработки. Жизнь большого города закрутила меня, причём, скрутила, как пружину. Не знаю, возможно, кому-то удача и улыбалась, они переезжали и находили достойную работу, хорошо оплачиваемую, брали квартиру в ипотеку, и их жизнь на новом месте постепенно устаканивалась, они привыкали. Но это был явно не мой случай. Ко мне удача относилась крайней предвзято. Единственное, что радовало, так это то, что в этой круговерти мне порой некогда было остановиться и задуматься. Я всё ещё переживала из-за смерти мамы, из-за того, что в моей жизни не складывались отношения, не только с мужчинами, но и, вообще, близких друзей у меня обрести не получалось. Наверное, потому, что я кочевала с одной работы на другую, и вот как раз в тот период здорово пожалела о том, что в своё время не стала учиться. Кто бы что не говорил, а к человеку, у которого за плечами лишь диплом об окончании школы, отношение не слишком добродушное. Меня принимали в офисах и разных заведениях с улыбкой, встречали по внешности и по одежке, но затем лишь разводили руками и говорили, что им на наметившуюся должность необходим человек с опытом, по крайней мере, а лучше со знаниями. А у меня ни того, ни другого не было. Нет, появился опыт курьерской службы,

который помог мне познакомиться с городом, даже с самыми отдалёнными и маленькими его улочками. Появился опыт работы официанткой в нескольких заведениях. В парочке из них было музыкальное сопровождение, и я наблюдала за работой их певицы, с непонятной тоской. А ведь в своё время не считала подработку в ресторане чем-то серьёзным, а, как выяснилось, скучала. Скорее, по вниманию, по тому, пусть лёгкому, но превосходству, с которым могла держаться на фоне другого персонала заведения. Я была творческой личностью, а они обслугой.

В Нижнем я успела поработать продавцом нижнего белья, продавцом канцелярских товаров, недолго, но посидела на кассе одного из гипермаркетов. Стоящая работа никак не находилась, а деньги были нужны, вот и попросила знакомую устроить меня на месяц-два. И вот в этом круговороте и состояла вся моя жизнь. Из маленького городка я перебралась в большой, но, по сути, никаких глобальных перемен в моей жизни не произошло. Мама хотела, чтобы я устроила свою жизнь, вышла замуж, Наверное, родила детей, но я лишь бежала и бежала по кругу. И это чувство однообразия и безысходности было весьма неприятным. Временами встречаясь с людьми, с которыми меня сталкивала жизнь на протяжении последних лет, на разных работах и сферах жизни, я узнавала, что большинство из них старательно пытаются зацепиться, копят на первый взнос по ипотеке, некоторым это даже удаётся, и мы все вместе за них радуемся, за то, что впереди у них пара десятилетий рабской доли. Когда каждую копейку нужно отнести в банк, и просыпаться ночами в ужасе от того, что тебе приснилось отсутствие работы и выселение. Но все радовались за них, и я тоже радовалась, но не понимала, как им это удаётся. Как?

Я только бежала по кругу, бежала, но никаких дивидендов мои старания не приносили. Начала всерьёз задумываться о том, что я несчастливая. Неудачи меня особо не преследовали, но и хорошего ничего не случалось. Сплошное однообразие. Съёмное жильё, неинтересная работа, скучные люди вокруг. Я ощущала эмоциональную неудовлетворённость куда острее, чем в родном городе. Потому что от маленького, провинциального городка многого не ждёшь. А оказавшись в большом городе, где огромное множество возможностей, осознавать, что они проходят мимо тебя, очень неприятно. И ты вроде хватаешься за них, хватаешься, а толка особого не выходит. И это обиднее всего. Чувствуешь себя неудачницей. При том, что круг время от времени замыкается, и ты возвращаешься к тому, с чего когда-то начинал и от этого, казалось бы, ушёл.

– Я же не работу официантки тебе предлагаю, – говорила мне знакомая, посматривая на меня с определённым намёком и вызовом.

– А что? – переспросила я. – То же «принеси-подай».

– Ну, знаешь ли, – возмутилась она. – На что-то другое, с нашим с тобой образованием, рассчитывать трудно.

– У меня такая движуха в жизни, – усмехнулась я, – на целых три высших образования. Чему в институтах учат? Рассуждать и философствовать. А я умею всё. По крайней мере, мне так уже кажется.

– Маш, это нормальное предложение. Уйдёшь из своего ресторана, перестанешь бегать с подносом между столами. Что плохого?

– Да ничего, – проговорила я, правда, настроение было неопределённое.

Подружка толкнула меня локтем в бок и добавила со значением и смешком:

– Станешь называться офис-менеджером.

– По сути, та же официантка и уборщица.

– А ты об этом никому не рассказывай, – усмехнулась она. – Ну что, меняешь работу?

Придя в офис на собеседование, и осмотревшись, в тот момент я решила, что мне, наконец, повезло. Хоть раз. Сомнения меня оставили, и я без всякого сожаления ушла с должности официантки, и уже через неделю начала работать в офисе крупной строительной компании. Должность у меня была, как я изначально и думала, «принеси-подай». Я сидела в холле

за большим письменным столом, улыбалась выходящим из лифта людям, отвечала на неважные звонки и бегала с подносом по кабинетам руководства, когда те хотели пить, есть или звали меня для того, чтобы я вытерла пролитый кофе или забрала переполненную мусорную корзину с бумагами до прихода уборщицы. Я прекрасно понимала, что мою кандидатуру одобрили лишь благодаря моим внешним данным. Поэтому на собеседовании я старательно улыбалась и излучала позитив. А ещё поворачивалась то одним боком, то другим, чтобы меня оценили в полной мере. Повезло, что собеседование проводил мужчина. Женщина бы на мои дешёвые уловки не повелась. А молодой парень в дешёвом галстуке, румяный и лысоватый, поглядывал на меня с определённым интересом. Правда, уже на второй день работы, пришлось объяснить этому субъекту, что служебные романы меня никоим образом не интересуют. Я пришла работать, и вся сосредоточена на рабочем процессе.

– Собираешься сделать карьеру? – спросил меня, как выяснилось позже, Виктор.

Какую карьеру можно построить, начав с подавальщицы кофе в офисе, я не знала, но чем чёрт не шутит, правда? Поэтому я лукаво улыбнулась новому поклоннику и сказала:

– По крайней мере, попробую.

Прекрасно знаю, что он подумал в тот момент. Что я устроилась в офис строительной компании с одним-единственным желанием – выйти поудачнее замуж. В принципе, я была не против, но не ради того, чтобы получше и поудобнее устроиться. К двадцати пяти годам я твёрдо уверилась в том, что по расчёту замуж не выйду. Замуж хотелось выйти по любви. Но в шикарном офисе, среди умных, образованных, состоявшихся людей, вечно занятых какими-то проектами и застройками, на меня мало обращали внимания. Зато я нравилась самой себе – в белоснежной блузке, черной юбке-карандаш и в туфлях на шпильке, я, наконец, перестала быть похожа на незаметную, безликую официантку. Конечно, особо гордиться мне было нечем, но после стольких лет скитаний с перебором пустых профессий, я чувствовала удовлетворение. Смогла расправить плечи и начать надеяться на лучшее будущее. Я сидела за ресепшеном в холле шикарного офиса и встречала гостей. Вот гостям нравилось и как я улыбаюсь, и как я выгляжу. И они меня замечали. А сотрудники, особенно, руководство по несколько раз в день бегали мимо меня, и хорошо, если здоровались утром. Обычно им было не до меня. Но я отсоветовала себе расстраиваться по этому поводу или переживать. Работа и зарплата меня устраивали.

В общем, произошедшие в моей жизни перемены я посчитала благими, и рискнула поверить, что удача, наконец, решила повернуться ко мне лицом, а не спиной. Я, на самом деле, в это поверила. Наверное, поэтому расслабилась, успокоилась, и посчитала знакомство со Славой очередной удачей. А чуть позже и вовсе чудом. Даже спросила себя как-то: ведь я уже заслужила чуда, правда?

А Слава, правда, казался настоящим чудом. Голубоглазым, улыбчивым принцем, настоящим героем, который однажды вышел из лифта в нашем офисе, такой красивый, такой статный, в дорогом костюме и при галстуке, мужчина, о которых я лишь фильмы смотрела. И фильмы все эти были вот о таких же провинциалках, как я, в финале превращающихся в Золушек-принцесс и устраивающих свою жизнь рядом с нашедшимся героем. И я, увидев будущего мужа в первый раз, натурально замерла, не понимая, сон это или реальность. И подумала, точно помню, что подумала: я хочу быть с этим мужчиной. Но чего совсем не ожидала, так это того, что Слава меня заметит. Что обратит на меня внимание, остановится у моего стола и поздоровается, вежливо и обстоятельно. Даже представится и улыбнётся.

– Добрый день. Меня зовут Владислав Калинин. Пётр Борисович меня ожидает.

А я вдруг начала волноваться, краснеть и заикаться, и суетливо тыкать пальцем по кнопкам селектора. Браво, но забормотала:

– Да, конечно, одну минуточку...

Он возвышался надо мной, наблюдал за моими задрожавшими пальцами, разглядывал меня с интересом, а потом спросил:

– Как вас зовут?

Я вскинула на него опешивший взгляд, моргнула.

– Маша.

– Очень приятно, – сказал он без тени улыбки, зато поедая меня пристальным взглядом. –
Замечательное имя – Маша.

ГЛАВА 3

У него тоже было замечательное имя, очень красивое и солидное – Владислав. И, вообще, Слава был воплощением девичьих грёз, по крайней мере, казался таковым. Он был старше меня на десять лет, мудрее и образованнее раз в двадцать. Работал в городской администрации, в отделе землепользования и согласования уплотнительной застройки. На момент нашего знакомства он занимал должность заместителя руководителя отдела. Должность у него была весьма пикантная, провокационная, на которой нужно было лавировать и держать ухо востро. Славе это отлично удавалось. Он был решительным, целеустремлённым и в то же время обаятельным. И по своей сфере деятельности человеком публичным. Его везде ждали и старались заинтересовать и понравиться. Женщины ему улыбались, а мужчины жали руку. Естественно, что я попала под его обаяние. Так как Слава умел улыбаться, при этом глядя тебе в глаза твёрдо и решительно, показалось мне незабываемым. И этот мужчина обратил на меня внимание!

Поначалу я никак не могла поверить в свою удачу, потом в счастье, ведь Владислав Александрович, появившись в офисе нашей компании по важному делу, неожиданно задержался у стола ресепшена, рядом со мной, можно сказать, с телефонисткой и подавальщицей кофе. Он смотрел и смотрел на меня, узнал моё имя и даже пожал мне руку, в знак знакомства. Очень осторожно и аккуратно, будто боялся причинить мне боль. А я неожиданно смутилась, покраснела и совершенно не знала, как себя вести. Вдруг поняла, что мне неловко перед ним. Он такой важный, и я, девочка на побегушках, что через несколько минут наверняка побежит к кофеварке, чтобы подать начальству и важному гостю кофе. Чего мне смущаться на его счёт? Такие, как он, очень быстро забывают таких, как я. Наш образ обслуживающего персонала попросту стирается из их памяти. Но я всё равно разволновалась, да ещё до такой степени, что потеряла покой.

И, конечно, как того и следовало ожидать, меня попросили подать кофе, я вошла в кабинет начальника с подносом, и всеми силами старалась не встречаться с гостем взглядом, хотя прекрасно чувствовала его изучающий и оценивающий взгляд в мою сторону. А как только я вышла за дверь, услышала его голос:

– Красивая девушка.

– Да, Машка у нас – красавица, – рассмеялся мой начальник. А когда Владислав Александрович отбыл восвояси, окинув меня на прощание ещё одним долгим взглядом, подошёл ко мне и нахально подмигнул. – Произвела ты впечатление на городскую администрацию. Молодец.

Я пожалала плечами, не зная, как ещё реагировать на его слова.

– Поедешь со мной в субботу на базу отдыха, – заявил он вдруг, а я глаза вытаращила. Большаков, главный из тройки руководства компании, усмехнулся. – Что? Администрация города порыбачить желает, и за этим приятным занятием обсудить договорённости. Поедешь в качестве секретаря. Раз уж ты у нас такая замечательная Маша.

– В субботу?

– А что, у тебя какие-то планы на выходные? Если и есть, советую отменить. Или ты планируешь сидеть напротив лифта до пенсии?

Начальству я, конечно, на провокационный вопрос отвечать не стала, лишь отстранённо улыбнулась, а вот про себя в задумчивости хмыкнула. Явно, что в путешествие меня берут не просто так, а для того, чтобы порадовать взор чиновника, от которого зависит пара важных подписей. Но каких усилий при этом потребуют от меня?

– Не кипишуй, – сказала мне девушка, которая обычно сопровождала начальство во всех поездках. – Расплачиваться тобой за одолжение никто не будет, – посмеялась она. – Посидишь,

поулыбаешься, ресницами похлопаешь. Думаю, не надо тебе говорить, чтобы в спортивный костюм не обряжалась, да?

Я улыбнулась.

Возможно, если бы не тот выезд за город и наша новая встреча со Славой, так сказать, в непринуждённой, неформальной обстановке, наше случайное знакомство, так и осталось бы случайным. И сейчас, спустя годы, я понимаю, что это было бы благом. Но тогда образ рыцаря в сияющих доспехах, коим мне показался будущий муж, затмил мой рассудок. Я, на самом деле, влюбилась в него. Слава был улыбчивым, милым, очень воспитанным. Не позволял себе ничего лишнего по отношению ко мне. Я только замечала его взгляды, он наблюдал и наблюдал за мной, и я считала, что это доставляет ему удовольствие. Это сейчас я уже понимаю, что Слава присматривался ко мне не просто так, он наблюдал за тем, как я себя веду, как я общаюсь с другими мужчинами, вплоть до того, какие взгляды на кого кидаю и как улыбаюсь. А тогда его внимание ко мне не казалось болезненным, оно казалось проявлением вспыхнувшей симпатии. Мне нравилось встречаться с его внимательным взглядом, нравилось его спокойствие и твёрдость, и на этом фоне каждая его улыбка казалась подарком судьбы.

Кроме меня в компании отдыхающего начальства было ещё несколько женщин, с теми же обязанностями, что и у меня. Радовать красотой, улыбаться и скрашивать одиночество нагруженных работой и обязанностями мужчин. А порой что-то записывать и запоминать.

Признаться честно, я в подобных местах отдыха, весьма комфортабельных и даже в чём-то фешенебельных, до того дня не бывала. И в такой компании никогда не отдыхала. Мужчины рыбачили, отправляясь на катерах по Горьковскому водохранилищу, затем хвалились уловом, в то же время обсуждали какие-то дела в отдалении, о чём-то договаривались и жали друг другу руки. А женское дело было вовремя поднести бумаги на подпись, а заодно пару рюмок, чтобы закрепить сделку.

– Тебе здесь не нравится? – спросил меня тогда Слава, улучив момент и пойдя, когда я была одна. Стояла на улице, под высокой сосной и дышала свежим, наполненным ароматом хвои, воздухом.

– Нравится, – ответила я. – Очень красиво.

Слава усмехнулся.

– Я про компанию собравшихся.

Я пожала плечами.

– Я практически никого не знаю.

– А меня?

Я улыбнулась ему.

– Хотя бы вас вижу второй раз, остальные вовсе незнакомые.

– Это точно. Развлечение одно – где-то собраться и выпить. – Он стоял передо мной, в джинсах и свитере толстой вязки, бравый герой, к его груди так и хотелось припасть в поисках защиты. А Слава ещё и спросил: – Хочешь, увезу тебя в город? Нечего тебе здесь больше делать. Всё, о чём хотели договориться, договорились.

– Если Сергей Викторович не будет против, я бы уехала, – согласилась я.

– Он не будет против, – пообещал Слава.

Большаков и, правда, против не был. Скорее уж, он был «за», и ещё так противенько усмехнулся. Эта ухмылочка была не предназначена для глаз Владислава Александровича, а вот я её заметила, и ещё вслед получила многозначительный взгляд. Мол, «смотри у меня».

Никуда и ни на что я смотреть не собиралась. Слава довёз меня до города, всю дорогу мы разговаривали с ним, правда, я далеко не сразу осознала, что, в основном, вопросы он мне задавал, а не наоборот. О себе он тоже рассказывал, но как-то вскользь. О его должности я уже знала, ещё узнала о том, что он родился и вырос в Нижнем Новгороде, из близких родственников у него только престарелая мама. Он старается не забывать старушку, всячески поддержи-

вать, а в прошлом году даже перевёз её поближе к себе, обменяв их старую семейную квартиру на жильё через два дома от себя.

– Это правильный поступок, – согласилась я. – Я бы тоже так поступила.

– А где твои родители? – спросил он.

Вдаваться в подробности мне показалось неуместным. Что я, должна была практически незнакомому человеку объяснять что-то про своих родителей, и поэтому я решила отделаться лишь парой слов:

– Их уже нет в живых.

– Очень жаль, – сказал Слава, а я кивнула. Посчитала тему закрытой. А вот он, по всей видимости, нет. Когда он спросил адрес, по которому ему следует отвезти меня, и выяснил, что я снимаю квартиру, да ещё напополам с подружкой, чрезвычайно заинтересовался.

– Так ты не местная?

Весь разговор мне казался неловким, я чувствовала себя чуть ли не неудачницей, от всех его вопросов. По крайней мере, откровенной провинциалкой. Но в то же время думала о том, что, если Слава так интересуется мной и моей жизнью, значит, ему на самом деле хочется узнать обо мне больше.

Я рассказала ему про наш город, про нашу жизнь с мамой, про школу и мою любовь танцам и пению. Рассказывала вскользь, стараясь больше шутить, но Слава слушал очень внимательно. И только лишь иногда улыбался. И в конце моего рассказа спросил:

– Значит, ты сейчас совсем одна?

Я лишь пожала плечами. Ответить как-то не получилось, потому что в горле встал комок. Наедине с собой я старалась на эту тему не раздумывать и не размышлять, слишком горько становилось. Куда легче было сосредоточиться на насущных проблемах, на работе и платежах за жильё. Ведь мне нужно где-то жить и что-то есть, и другого выбора, как работать и решать свои проблемы самостоятельно, особо не было. Были встречи со знакомыми и приятелями, даже друзьями я никого из них назвать не могла. Но иногда было приятно провести время в компании, посидеть, поболтать, временами повеселиться, но много свободного времени у меня на это не было. А когда мне начинали задавать вот такие вопросы, я расстраивалась, и поневоле начинала задумываться. Почему же всё в моей жизни складывается с таким трудом? Может быть, это временно, а потом на меня в один момент обрушится счастье и благополучие? Иногда я ловила себя на мысли, что жду этого.

И вот мне встретился Слава. Сказать, что я потеряла голову, значит, ничего не сказать. Конечно, это произошло не сразу, но достаточно быстро. Потому что ухаживал Слава за мной так, как никто до этого за мной не ухаживал. Да и такого мужчины у меня никогда не было. Взрослого, самостоятельного, образованного, воспитанного. С которым было приятно куда-то выйти, интересно было послушать его рассказы. Кажется, Слава знал всё и обо всём. А я на его фоне порой чувствовала себя тёмной дурочкой. И это чувство в какой-то момент настигло меня с такой силой, что я взялась за книги, читала, запоминала, а потом обсуждала это со Славой вечерами. Он, вроде как, радовался моим стремлениям, моим успехам, желанию узнать что-то важное. Даже хвалил меня. А ещё дарил мне цветы, подарки, недорогие, но весьма приятные мелочи. Духи, бижутерию, как-то купил мне туфли. Причём, сам, выбрал и подарил. Классические лодочки на высокой шпильке. До знакомства с ним, я редко носила классические наряды и обувь, а рядом с ним наряжаться во что-то модное и броское, казалось неуместным. И вместе с его подарком, под новые туфли, я принялась менять потихоньку свой гардероб. Я боялась показаться смешной и нелепой рядом с ним, ведь я видела в Славе идеального мужчину с безупречным вкусом.

Первые месяцы нашего с ним общения, я до конца не понимала, к чему наши отношения приведут. К чему они, вообще, могут привести. Мы казались такими разными, по крайней мере, я именно так видела ситуацию. Городской чиновник, которому все спешат пожать руку

в знак уважения, и младший секретарь на минимальном окладе. Какую пару мы составляли? Мне всё это казалось нереальным и неправильным, но в то же время я с трепетом ждала каждого его звонка и появления. И моё сердце стучало при звуках его голоса, а уж тем более в те моменты, когда я его видела.

Слава всегда был великолепен. Он очень щепетильно относился к своему виду, но при этом несколько не выглядел слащавым или приторным. Он был воплощением мужской красоты. Всегда гладко выбрит, аккуратно причёсан, я с удивлением узнала, что он стриётся не реже, чем раз в десять дней. Раньше я о подобном в отношении мужчин и помыслить не могла. Его костюмы, рубашки и галстуки всегда были в идеальном состоянии. Отглаженные, накрахмаленные, белоснежные. Даже в кармане его пиджака всегда лежал новенький, отутюженный носовой платок. И таких правил и привычек мой будущий муж придерживался во всём, что касалось его жизни и быта. Однажды я рискнула спросить о том, кто же о нём так заботится. А Слава в ответ удивился.

– Мама, конечно. Она у меня удивительной доброты женщина.

Конечно же, я поверила. Как можно было подумать о плохом характере женщины, которая родила и воспитала такого сына? Я даже представила такую милую, улыбчивую старушку, без конца пекущую блинчики и крахмалившую воротнички на рубашках сына.

Вы же понимаете, какое благоговение провинциальная девчонка чувствовала перед таким городским, опытным франтом? Слава был старше меня на десять лет, и казался мне невероятно взрослым и успешным. К своим годам у него происходил значительный карьерный рост, его знали, уважали, благодарили за его общественную деятельность. К тому же, у него была своя трёхкомнатная квартира, машина приличной марки и модели, но в то же время не выделяющаяся на фоне коллег и знакомых. Немного вникнув в ситуацию, я поняла, что Славе на его должности, вообще, выделяться было нельзя. В стране полным ходом шёл непрекращающийся процесс борьбы с коррупцией и бюрократией, по крайней мере, об этом говорили, буквально кричали с экранов телевизоров, и чиновники, все, как один, старались не выделяться. Слава следовал этому же пути. Хотя, деньги у него были, и статьи доходов помимо зарплаты тоже были, но об этом я стала догадываться гораздо позже.

А во времена наших зарождающихся отношений, я летала, словно на крыльях. И никак не могла поверить, что рядом со мной такой мужчина. Который любит, открыто обожает, буквально носит на руках. Цветы дарит через день, приглашает меня на романтические ужины. Оказывается, до знакомства со Славой я и в ресторане-то настоящем не бывала. Все привычные для меня заведения, в которые мы с друзьями и знакомыми ходили по важным датам, Слава пренебрежительно называл кафешками. А он предпочитал европейскую кухню, нам на ужин подавали гаспачо и тартар из мраморной говядины, а на десерт баловали профитролями. А когда я принималась хвалить и удивляться чему-то, совершенно искренне, Слава смеялся, глядя на меня ласковым взглядом. Мне тогда казалось, что его взгляды ласковые, мягкие, влюблённые. И я старалась его порадовать своей реакцией всякий раз, когда получала комплимент или подарок.

Дорогих подарков, например, ювелирных украшений или шуб, Слава мне никогда не дарил. Но я и не ждала их, если честно, потому что не приучена была к такой щедрости, в моей жизни знакомых с подобным материальным достатком никогда не было. И я радовалась серебряным серёжкам, колечкам, красивым шарфикам и цветам. Безумно радовалась. Да и все знакомые девушки вокруг, мне завидовали. Даже не подаркам, а нашим со Славой отношениям. Ведь он был заботливым, внимательным, аккуратным. Он звонил мне по несколько раз в день, интересовался моим настроением, чем я занимаюсь в данный момент, с кем ходила обедать и так далее. А ещё хмурился, когда мне приходилось задержаться в офисе, когда в компании случался какой-нибудь аврал, и даже на меня сваливалась дополнительная работа. В такие дни Слава начинал звонить мне чаще, и голос его становился требовательнее, с нотками настав-

ления. А я принималась его уговаривать, увещевать, что волноваться ему абсолютно не о чем, просто сложилась такая рабочая ситуация. К тому же, начальство обещало позже доставить всех сотрудников до дома, если будет совсем поздно.

– Что значит, до дома? – переспросил Слава в первый раз. – Кто тебя будет подвозить? Большаков?

– Я не знаю, – честно сказала я. – Я передаю тебе то, что сама услышала от девочек.

– Я не хочу ничего знать ни о каких девочках, – отрезал он тогда. И тут же добавил: – Я сейчас приеду.

И, на самом деле, приехал, и забрал меня домой, о чём-то коротко переговорив с Большаковым в его кабинете, а я чувствовала себя безумно неловко, не понимая, из-за чего Слава так всполошился. К тому же, на следующий день на меня всё руководство посматривало с явной усмешкой, а затем и вовсе Большаков подошёл и со слышимым в голосе ехидством, меня поздравил.

– С чем поздравляете? – поинтересовалась я.

– Как с чем? – хмыкнул он. – С удачной рыбалкой. Ты ведь большую рыбу поймала.

Конечно, я прекрасно поняла, на что он намекает. Но отвечать сочла ниже своего достоинства. Я ведь никого не ловила и охоту ни на кого не устраивала. А если нам со Славой суждено было встретиться и полюбить друг друга, то так всё и произошло. Судьба, одним словом.

Но никаких далеко идущих планов я не строила. Правда. Честно. Мы встречались со Славой всего несколько месяцев, и я ещё даже не задумывалась о том, что будет дальше. Я понимала, что мне рядом с ним хорошо, спокойно, мне нравится чувство уверенности и небольшого превосходства над обстоятельствами, что я ощущаю, находясь в его компании, держа его за руку. Всё это было ново для меня, интересно, приятно. Через пару месяцев, да даже раньше, я готова была признаться, что влюблена. Но всё происходящее было для меня началом отношений, самой завязкой, и строить никаких планов я не собиралась. Это было чревато дальнейшими разочарованиями, и я опасалась лишних надежд. Всё-таки меня преследовала неуверенность в себе. Но Слава делал всё, чтобы я о ней позабыла. Он был таким заботливым, таким любящим. Кажется, не мог прожить без меня и дня. Встречал меня с работы, держал за руку, засыпал, обняв меня.

– Я хочу, чтобы ты поняла, – шептал он мне, обнимая, – что ты больше не одна. Я с тобой.

И от этих слов мне хотелось плакать. А ещё прижаться к его груди, и прожить так целую жизнь. Рядом с ним, понимая, что тебя любят. Меня закружило, затопило его любовью. И я жила, улыбаясь от счастья всем вокруг.

– Ты ведь счастлива со мной? – спросил он однажды. И тон его был серьёзным, едва ли не настороженным.

– Конечно, – удивилась я. Улыбнулась. – Ты самый лучший мужчина на свете.

– Прозвучало уверенно.

– Я уверена в этом, – засмеялась я. И тут же заверила своего сомневающегося в своих силах мужчину: – Мне очень повезло в жизни.

Слава будто бы выдохнул с облегчением.

– Хорошо. Ты же понимаешь, что я стараюсь?

– Да, я понимаю.

Я, кстати, тоже очень старалась. Соответствовать, нравиться, не потерять его интерес. Мы довольно часто ночевали в квартире Славы, не через стенку же с соседкой ему было спать, на стареньком диване, правда? Его холостяцкое, как он говорил, жилище производило впечатление. Не размахом, не масштабом, не интерьером, а тем, в каком порядке оно содержалось. Конечно, в том, что порядок в его квартире поддерживает единолично мама, я быстро усомнилась, уж слишком идеально всё было. Ни пылинки, ни соринки, все поверхности тщательно отполированы, просто до зеркального блеска. Все вещи были расставлены по своим местам,

и, как я вскоре поняла, именно по своим местам, переносить их с места на место было категорически нельзя. Слава оказался педантом в бытовом плане, но, сказать честно, я не слишком этому удивилась. Он ведь так любил лоск и порядок в своём внешнем виде, так следил за собой, так чему удивляться, что перенёс эту манеру поведения и на остальную свою жизнь? И я старалась не нарушать заведённый им порядок. Ни в вещах, ни в приготовлении пищи. Если что-то брала, аккуратно ставила всё по своим местам, даже посуду на кухне. Славу это радовало, а я радовалась вместе с ним.

Сейчас, вспоминая всё это, я порой зажмуриваю глаза и спрашиваю себя: где была моя голова? Где была моя интуиция?

Интуиция молчала. А я ещё некоторое время радовалась и следовала наказам и наставлениям Славы, запоминала, как и что мне нужно делать, чтобы он был спокоен и доволен. А он всегда казался спокойным. Ни разу не повысил на меня голоса, не взглянул как-то не так, с недовольством или разочарованием. А если я что-то делала не так, он только говорил:

– Ничего страшного, научись.

И я переводила дыхание с облегчением.

Потом он решил познакомить меня со своей мамой. Это произошло в один из дней, Слава просто сказал:

– Думаю, сегодня нам стоит пообедать у моей мамы. А то она человек одинокий, скучает без меня. Нужно составить ей компанию.

В принципе, я была не против. Слава всегда с таким вдохновением говорил о своей маме, я уже успела нарисовать её образ в своём воображении, и он был весьма выразительным и положительным. Но просто взять и заявиться на обед, было странно и волнительно. Но Слава накрыл мою руку своей и заверил:

– Не переживай. Мама будет только рада.

Конечно, его просьба «не переживай» особого воздействия на меня не возымела. Единственное, что сесть и призадуматься у меня времени не осталось. Потому что уже спустя час мы стояли под дверью квартиры его мамы. С цветами, тортом и улыбками. Но стоило мне переступить порог дома и оказаться в комнате, я поняла, что большим сюрпризом этот визит был именно для меня. Очень сомневаюсь, что пожилая женщина каждый день станет готовить по несколько блюд и накрывать стол по-праздничному. Явно любимый сын предупредил её, что к обеду будет не один, а с девушкой. В первый момент, конечно, такое внимание и подготовка мне польстили. Стало приятно, в моей душе появилась надежда, что мы с Полиной Григорьевной, как звали маму Славы, подружимся. Ведь он несколько недель расписывал мне её, как замечательного, доброго и щедрого человека. И я при первом знакомстве старалась воспринимать её именно так. И Полина Григорьевна, на самом деле, мне улыбалась, была милой и вроде как радушной хозяйкой. Я улыбалась ей в ответ, но взглядом с ней столкнулась лишь единожды, и в нём было столько настороженности и предвзятости, что в дальнейшем смотреть матери Славы в глаза, я себе отсоветовала. Восторженность и мечтательность меня покинули, но я продолжала улыбаться и отвечать на вопросы, как можно вежливее. А вопросов было много. Полина Григорьевна меня ими буквально засыпала. Владислав в какой-то момент даже попытался мать остановить, пусть и смехом.

– Мама, успокойся. Ты напугаешь Машу, – сказал он, рассмеявшись.

А Полина Григорьевна, нацепив на лицо улыбку, степенно отозвалась:

– Не думаю, что Маша настолько пуглива, дорогой. В конце концов, она не тепличный цветочек.

Ничего осуждающего в её словах не было, но в то же время я отлично уловила скрытый смысл. Цветочек я не тепличный, стало быть, прошла огни и воды. Как мама говорила: оторви да брось.

– Машенька, у вас есть какие-нибудь увлечения? – спросила меня Полина Григорьевна, поднося к губам чашку из нежнейшего фарфора. Мне свою даже страшно было в руки взять. Ещё и ручка у чашки была крохотная, я едва могла подцепить её пальцем, и из-за этого боялась уронить. А вот мать и сын (даже Слава, с его большой ладонью) спокойно пили чай.

Пока я соображала, что бы такое Полине Григорьевне ответить, Слава матери поведал:

– Да, мама. У Маши отличные вокальные данные. Она даже зарабатывала этим на жизнь.

Я-то уже поняла, что Слава ляпнул не то. Вон как Полина Григорьевна впиалась взглядом в моё лицо, но тон Славы был невозмутим. Он добавил:

– Она отлично поёт и танцует.

– Замечательно. – Полина Григорьевна подарила мне ещё одну «открытую и добрую» улыбку, полную доброты и душевности.

В общем, я не слишком была воодушевлена произошедшим знакомством. И хотя мне никто не сказал слова против, и Полина Григорьевна была мила и вежлива со мной, я чувствовала, что я её совсем не впечатлила. Но Слава казался довольным. Улыбался и держал меня за руку.

– Наконец-то мама успокоится, – сказал он мне, когда мы покинули квартиру Полины Григорьевны. – А то она начала переживать, что я один. Живу, как одиночка.

Я заставила себя улыбнуться, после чего послушно взяла его за руку. А когда мы вышли из подъезда, Слава заставил меня обернуться и помахать маме рукой на прощание. После этого действия я точно почувствовала себя глупо, но махала и улыбалась.

И, вроде бы, расстраиваться мне было не из-за чего, всё прошло хорошо, и как бы натянуто Полина Григорьевна мне не улыбалась при встрече, ей пришлось принять меня. Как любимую девушку своего единственного сына. В конце концов, Слава был взрослым мужчиной, и было бы странно ожидать от него того, что он станет прислушиваться к мнению мамы в этом вопросе. Поэтому нам с Полиной Григорьевной не оставалось ничего другого, как улыбаться друг другу при встрече и вести милые, степенные беседы. О погоде, о кулинарии, о цветах. Никаких провокационных вопросов мать Славы мне больше не задавала, и спустя какое-то время я вздохнула с облегчением. Может быть, всё не так уж и плохо? Полина Григорьевна, как и любая мать, при первой встрече с избранницей сына, была немного насторожена и предвзята, но затем присмотрелась ко мне и успокоилась. Ведь так?

– Тебе ведь хорошо со мной? Ты меня любишь?

Эти вопросы Слава стал задавать мне всё чаще и чаще. Мы с ним встречались около трёх месяцев, когда я услышала это впервые, и, признаться, растерялась. Впервые меня спрашивали о моих чувствах в лоб. Ни один из моих молодых людей ранее не стремился проявлять чувствительность, никто до Славы не хотел проводить со мной каждую минуту, не удерживал за руку, когда я собиралась покинуть его квартиру. Такая мнительность, его забота и бесконечное внимание, желание знать обо мне каждую деталь, вплоть до того, с кем я провожу каждую свою минуту за день, изначально меня очень подкупали. Ведь это, на самом деле, приятно, когда любимый мужчина не мыслит без тебя ни одного часа своей жизни. Уже через несколько недель отношений я вдруг осознала, что практически живу в квартире Славы, на своё съёмное жильё заезжая только за нужными мне вещами. Моя соседка по квартире, Наташа, открыто завидовала мне, без конца напоминая, что мне повезло охмурить солидного мужика с собственной квартирой.

– Квартира есть, машина есть, деньги у него водятся, – говорила она, завистливо вздыхая. – Повезло тебе, Машка.

А я лишь плечами пожимала и улыбалась.

Считала ли я, что мне повезло? Возможно. Если смотреть со стороны материальной выгоды, каких-то жилищных нюансов. Но я ведь любила Славу не за квартиру, машину и зарплату, а за его отношение ко мне. Потому что после смерти мамы обо мне никто не забо-

тился. За два последних года ни один человек не поинтересовался тем, как я живу, где я живу, спится ли мне в тепле и естся ли досыта. И тут вдруг мне встретился Слава, окруживший меня гиперопекой и заботой. Мы проводили вместе, кажется, каждую минуту, не занятую работой. Утром он отвозил меня в офис, днем звонил и писал сообщения, интересуясь, как у меня дела и с кем я веду беседы, а по окончании рабочего дня встречал на том же месте, на котором мы расстались восемь часов назад. Сотрудники в офисе всё замечали и подмечали, естественно, доносили информацию до руководства, и настолько успешно, что меня вдруг решили повысить.

– Представляешь, – радовалась я, сообщая вечером Славе потрясающую новость, – меня хотят повысить!

Вместо ответной радости или какой-то понятной мне эмоции, Слава сдвинул брови.

– Повысить? Зачем?

– Что значит, зачем? – удивилась я. – Чтобы мне больше не сидеть напротив лифта и не бегать с подносом.

– А-а, – протянул он. Помолчал, обдумывая, после чего поинтересовался: – И где теперь ты будешь сидеть? Если не напротив лифта?

Я пожала плечами.

– Вроде меня поставят помощником секретаря Большакова. У неё большая нагрузка, всё время жалуется, что ничего не успевает. Значит, я буду сидеть в его приёмной.

– Ага. И кофе подавать только ему.

Я рассмеялась, потому что прозвучавшую догадку в его голосе расценила, как шутку.

– Надеюсь. Бегать по всем кабинетам, мне надоело.

Я, правда, радовалась предстоящему повышению. Конечно, ловила себя на мысли, что повышают меня не из-за моих заслуг, хотя и считала себя работником ответственным и прилежным, всё, что от меня требовалось, я делала вовремя и со всей старательностью. Но, если честно, мне было всё равно. Я считала, что заслуживаю толчка вперёд, а там уж я покажу всё, на что способна. Я готова была работать ещё усерднее, учиться, если понадобится. Ведь впервые в моей жизни у меня была работа, которая может привести к какому-то развитию и даже карьерному росту. Мне было интересно приходить в офис, узнавать что-то новое, знакомиться с людьми. Вот, например, со Славой я тоже познакомилась на этой работе. А если бы даже на ресепшен не устроилась, то мы с ним попросту никогда бы не пересеклись. Негде было бы. Помимо офиса строительной компании Большакова, мы с Владиславом Александровичем будто на разных орбитах вращались. Столкновение было невозможно. И я была благодарна тому шансу, который мне, наконец-то, выпал.

А будет ещё лучше, я уверена.

– Может, мне пойти учиться? – спросила я у Славы, когда мы ужинали вечером. Я приготовила ужин, салат и пожарила мясо большими кусками, как он любил. Никаких лишних углеводов за ужином. Мы сидели на его кухне, верхний свет был погашен, а на стене горел светильник, света было как от пары горящих свечей. Романтичный полумрак. Я ела салат, хрустела огурчиком и поглядывала на Славу через стол. Он резал мясо на маленькие кусочки и постепенно пережёвывал каждый, казался погружённым в свои мысли. А когда я задала ему вопрос, перевёл на меня внимательный взгляд и так замер. Я терпела секунду, две, на третьей сдалась. Моргнула и спросила: – Что? Что ты скажешь?

– Скажу, что тебе это совершенно ни к чему.

– Почему? – Моему разочарованию не было предела. Ведь в своей голове я уже успела всё разложить по полочкам, осознать, чего я хочу, каким вижу своё будущее, а теперь любимый человек говорит, что мне это не нужно. Наверное, думает, что я не справлюсь.

– Потому что это не твоё будущее, – твёрдо ответил Слава. – Не хочу, чтобы моя жена сидела в каком-то душном офисе и подавала чужому мужику кофе. Даже если с образованием.

– Жена? – вырвалось у меня.

Слава ещё секунду вглядывался в моё лицо, в полумраке его взгляд показался мне тяжёлым и мрачным, но уже в следующее мгновение на его губах появилась ласковая улыбка. Он протянул руку через стол, коснулся моей руки и повторил:

– Жена. Любимая, ты же выйдешь за меня замуж?

Я снова моргнула, приоткрыла рот и так замерла. Наверняка, выглядела со стороны жутко глупо, но у меня никак не получалось справиться с изумлением. Я таращилась на Славу и ничего не могла сказать. А он ещё и из-за стола вскочил, вроде как смущённо сообщив:

– Я купил тебе кольцо, – и из кухни выскочил.

А дальше был тот самый особый момент, с преклонением колена, с повторением предложения руки и сердца, с дарением кольца. И Слава целовал мои руки, колени, губы, надел мне на палец кольцо с самым настоящим бриллиантом, а я была настолько ошарашена, обескуражена, что, кажется, даже не дала ему чёткого утвердительного ответа. Я лишь смотрела на него, слушала, разглядывала кольцо на пальце и пыталась остановить вихрь в голове. Всё повторяла и повторяла про себя: «Успокойся, успокойся... подумай».

А на пальце у меня красовалось кольцо с огромным бриллиантом. Оно было красивым, прекрасным, невероятно сверкало, но отчего-то меня пугало. До того, что мне приходилось напоминать себе, что я должна быть рада, должна быть счастлива, ведь любимый, идеальный, самый лучший на свете мужчина позвал меня замуж.

Я стану женой, у меня, наконец, будет своя семья, и все мои мытарства, несчастья, неудачи закончатся. Мама была бы рада.

– Завтра скажи Большакову, что увольняешься. Конечно, увольняешься, Маша. А когда ты собираешься работать? Я договорился, через месяц мы поженимся. Нужно же подготовиться, всё организовать, купить тебе платье. Столько дел. Да и что это за работа? Сидеть на телефоне и кофе подавать. – На этом моменте Слава улыбался. – У тебя теперь другая обязанность в жизни. Любить меня и заботиться обо мне. Как я люблю и забочусь о тебе.

Новость о том, что Владислав Калинин, завидный в городе жених, настолько влюбился и потерял голову от бесперспективной секретарши, разлетелась, как вихрь. И меня поздравляли, мне завидовали, шептались за моей спиной. А люди, с которыми я успела хоть немного сблизиться, все, как один твердили мне, чтобы я не вздумала брыкаться и бежала бегом замуж. Пока Калинин не передумал. Пока влюблён, смел и беспечен.

То есть, предлагали мне ухватиться за Славу руками и ногами и самой потащить в загс. Тащить мужчину в загс самой, мне не хотелось. Но в этом и не было необходимости. Слава рядом со мной светился от счастья, от радости и предвкушения. И если у меня и возникала мысль попытаться донести до него, что мы знакомы меньше четырех месяцев, и для вступления в брак этого, вроде бы, маловато, то все мои мысли и намерения разбивались об его счастливые улыбки и планы. Такая торопливость, резко изменившиеся планы на жизнь, меня тревожили. А все вокруг называли меня счастливицей.

Мы со Славой стали появляться вместе на различных мероприятиях, для чего мне пришлось экстренно обновить свой гардероб, точнее, практически полностью его поменять, сменив направление на классику и элегантность. Слава представлял меня своим знакомым, как невесту, кое-кого приглашал на торжественное мероприятие по поводу бракосочетания, но совсем немногих. А я в эти моменты мило и молча улыбалась, сверкала бриллиантом на пальце и демонстрировала лучшие стороны своего характера. То есть, любовь, уважение и покорность. Просто потому, что не знала, как вести себя в обществе власть имущих. Боялась сказать что-то не то или вызвать насмешку. По окончании вечера Слава непременно меня хвалил. А то и пояснял, что и в какой момент я сделала правильно. Видимо, для того, чтобы я запомнила и в дальнейшем поступала также. А я чувствовала себя настолько закруженной предсвадебной суматохой, новыми знакомствами, примеркой платья, которое шили на заказ

и очень торопились, что не могла ничего проанализировать. Ведь для этого нужно было остановить весь этот вихрь событий, остаться одной и спокойно подумать. Возможности для этого у меня не находилось, ни одной. И вот наступает день, когда я в свадебном платье, с причёской и макияжем, вся собранная, взволнованная и торжественная (ах да, ещё и безработная!), стою в одном из красивейших парков закрытого загородного клуба, рука об руку со Славой, и слушаю речь регистратора брака. Всё случилось, как в какой-то сказке, песне, фильме, и мне невольно вспомнились слова из известной комедии: «Билли, сделай мне монтаж!», и вот я будто после этого монтажа, с приклеенной счастливой улыбкой, и оказалась именно в этом месте. Над головой свадебная арка с живыми цветами, рядом Слава в светлом итальянском костюме, за спиной торжественные нарядные гости, из которых мне знакомы от силы человек пять. А женщина-регистратор с красной папкой в золотые вензеля громко произносит:

– Объявляю вас мужем и женой! Жених, можете поцеловать невесту!

Я смотрю на Славу, он смотрит на меня, улыбается, наклоняется ко мне и прижимается губами к моим губам. Всё, я жена. Наверное, надо радоваться. Все взоры в этот момент обращены именно ко мне. И я улыбаюсь, смеюсь, прижимаюсь к плечу мужа, когда мы вместе поворачиваемся к гостям. Счастливые молодожёны.

– Везёт тебе, – приговаривала моя уже бывшая соседка по квартире, когда я забирала с прежнего места жительства последние вещи. – Ты теперь при обеспеченном муже. Не зря в большой город перебралась.

Наверное, да, не зря, мысленно согласилась я с ней.

Немного успокоившись, обрадовавшись прекратившейся свадебной суете, вернувшись из свадебного путешествия, которое мы со Славой провели на Кубе, я пришла к выводу, что все мои волнения и бунтующая интуиция не что иное, как следствие предсвадебного ажиотажа. Из-за этого я чувствовала бесконечную настороженность, внутреннюю напряжённость и мучилась от нехорошего предчувствия. А как этому предчувствию не быть, когда последний месяц за мной неотступно следовала Полина Григорьевна, а на телефоне раздавал указания Слава. А теперь, наконец, начнётся семейная жизнь, нам никто не будет мешать.

Я – жена. Жена.

Я повторяла это про себя, как мантру. Несколько недель, прежде чем окончательно осознала эту мысль. Пришлось привыкать к тому, что вся моя жизнь в корне изменилась. Мне не нужно было ходить на работу, не нужно было переживать о том, чем платить за квартиру, на какие деньги дожить до зарплаты, все вопросы о пропитании ушли в небытие. Это было странно, но я приучала себя к мысли, что это хорошо. Мне нужно радоваться отсутствию проблем в моей жизни, быть благодарной за такого заботливого и любящего мужа.

Слава, на самом деле, меня любил. Наверное. Даже прожив с этим человеком в законном браке пару лет, я не могу сказать, что именно он подразумевает под словом «любовь». Что он чувствует. Ко мне, к матери, к другим людям. Первые пару месяцев нашей совместной жизни прошли довольно спокойно. Я привыкала, а Слава меня учил. Ведь мы теперь жили с ним в одной квартире, в которой я так и не стала полноправной хозяйкой. Мне лишь выдавались указания, рассказывалось о правилах поведения. И до свадьбы я знала, что Слава ужасный педант. Я часто бывала у него дома, ночевала, удивлялась некоторым его привычкам и нюансам быта, но не считала нужным и позволительным что-то комментировать вслух. Понимала, что Слава очень зависим от того порядка, который он сам для себя определяет. К тому же, порядок в доме у него наводила не я, и не он сам, а приходящая домработница. И именно она, а не Полина Григорьевна, наглаживала ему рубашки и крахмалила воротнички, расставляла все вещи по тем местам, на которые их определил Слава, аккуратно смахивая пыль. А после нашей женитьбы, Слава решил, что надобность в чужом, приходящем человеке отпала, и женщину уволили. В её услугах перестали нуждаться, как в ставшей нашей общей квартире, так и в доме его матери. И все обязанности перенесли на мои плечи.

– Тебе же надо чем-то заниматься целыми днями, – удивлялась Полина Григорьевна. – У каждого в семье должны быть свои обязанности. Слава зарабатывает деньги, а ты жена, занимаешься хозяйством. Не многим так везёт.

Наверное, моя ошибка в том, что я изначально не стала спорить, отстаивать свои принципы и расставлять точки над теми буквами, которые мне казались важными. Но мне ненавязчиво твердили и твердили о том, что мне повезло. Не только Полина Григорьевна, но и все знакомые вокруг. Ещё около полугода после свадьбы, нас со Славой поздравляли при каждой встрече. И при этом на меня смотрели так, будто не понимали, с чего бы мне на голову свалилась такая удача. Будто я рядом с мужем смотрелась весьма странно. Но, наверное, надо отметить, что это всё исходило от знакомых Славы. С моими знакомыми и друзьями, которые появились у меня за время жизни в Нижнем Новгороде, у меня не стало времени видаться. Да и муж считал, что никого особо важного в моей жизни, за кого бы стоило держаться, и нет.

– Что за друзья у тебя? – вопрошал он, когда у нас с ним возник такой разговор. – Соседка по квартире? Или те бездельницы-секретарши, что сидели в офисе Большакова? По ним ты скучаешь?

– По-твоему, у меня больше нет знакомых в городе?

– А они есть? – всерьёз удивлялся он. Но затем вздыхал напоказ, делал смиренное лицо и разрешал: – Хорошо, встретиться с друзьями. Я же не против. Но только, пожалуйста, делай это в то время, когда меня нет дома. Ты же не думаешь, что я отпущу свою жену одну куда-то вечером? С какими-то непонятными людьми?

И вроде говорил Слава правильно, и как бы переживая за меня, но после его смиренного снисходительного тона, мне становилось не по себе. И я невольно принималась задумывать о том, куда и с кем я пойду, если меня дома ждёт муж. Это же неправильно. А встречаться с подружками в то время, когда Слава на работе, как он предлагал, было весьма затруднительно. Потому что в это время работали и девчонки, это я неожиданно для самой себя превратилась в домохозяйку. И незаметно, неделя за неделей, месяц за месяцем, моё общение где-то помимо дома и с кем-то помимо мужа и свекрови, сошло на нет. Видимо, особой близости у меня с этими людьми и не было, Слава был в этом прав, ведь близкие друзья просто так из твоей жизни не пропадают. А тут мы перестали созваниваться, встречаться, и обо мне все благополучно забыли. Как-то раз я случайно столкнулась с бывшей коллегой по одной из не самых перспективных своих должностей в магазине, мы остановились поболтать, и я следующие пятнадцать минут чувствовала на себе её завистливый взгляд и слушала, как она «радовалась» моему удачному замужеству. А мне после этой встречи стало очень горько. Пришла мысль, что до меня, на самом деле, никому дела нет. Мне либо завидуют, либо не замечают. Временами мы со Славой ходили вместе в гости, посещали различные мероприятия, официальные и не слишком, ездили отдыхать, но вокруг всегда были лишь его знакомые и друзья, с которыми я так и не смогла найти общего языка. Точнее, подружиться по-настоящему ни с кем не смогла, даже с такими же жёнами и подругами друзей мужа. Я была лишь приложением к Владиславу Калинину. Его красивой, но молчаливой супругой из провинции. Которой, непонятно почему, повезло отхватить себе такого супруга. Я знаю, что именно так меня и воспринимали. И никогда не принимали всерьёз. Да и Слава перед каждой встречей с его друзьями, как бы вскользь бросал мне:

– Молчи побольше, не болтай попусту. Никому не надо знать, что у тебя нет высшего образования.

Он говорил это без злости, опять же снисходительно, а мне становилось ужасно обидно. И я молчала, находясь рядом с ним, боясь, что любым произнесённым словом, кстати или некстати, опозорю себя, или того хуже – мужа.

Никогда раньше не задумывалась, что наличие высшего образования так много определяет в жизни. Наверное, не задумывалась потому, что мне, банально, было некогда об этом думать.

Но всё же в наших со Славой отношениях складывалось всё достаточно ровно. До определённого момента. Я старалась привыкнуть к статусу замужней женщины, говорила себе, мысленно повторяя чужие выводы, что мне повезло. И по многим признакам выходило, что мне, на самом деле, повезло. Как и говорила Полина Григорьевна, мне теперь не было нужды заботиться и переживать о завтрашнем дне. Я стала женой уважаемого, достаточно обеспеченного мужчины, при должности, за которую в городе его сильно уважали, а стало быть, и меня, как его законную жену. У меня появились наряды, о которых я раньше и мечтать не могла. Появился личный стилист, на первое время, который учил меня ориентироваться в стилях, прививал мне вкус, как говорил Слава, чем меня сильно смущал. От моего гардероба, от привычных вещей не осталось ничего, а всё, что я рисковала покупать себе, ориентируясь на собственный выбор, нещадно критиковалось. Без криков, указаний, оскорблений. У Славы очень хорошо получалось одним взглядом или наклоном головы показывать мне, насколько я не права и ошибаюсь в своих выводах и действиях. И это действовало куда сильнее, чем ссоры или скандалы. Ведь поскандалив, надлежало помириться, проявить какие-то эмоции после выброса негатива, а поставив жену на место только взглядом, сам Слава оставался спокойным и довольным своими действиями, а я чувствовала странную заторможенность и опустошение, потому что не знала, что делать со своей эмоциональностью. Ведь если бы я начала кричать на хранившего арктическое спокойствие мужа, можно было бы усомниться в собственной адекватности. В начале нашего брака я всё же пару раз срывалась, не понимая, как реагировать на ту или иную ситуацию, и в ответ не дождалась ничего, кроме холодного недоумения и проявления какой-то брезгливости во взгляде мужа. И я замолчала. Замолчала навсегда, как мне порой казалось. Давила и давила в себе недовольство, непонимание, озабоченность, тревогу от того, что что-то, кажется, происходит, что-то нехорошее, а я совершенно не понимаю, что со всем этим делать. Как поступить, как себя вести? И я невольно брала пример со Славы, который предпочитал выражать своё недовольство молчанием, а внешне оставался спокойным, как скала. И я смотрела и смотрела на эту скалу, с каждым днём с всевозрастающей озабоченностью ожидая проявления хоть каких-то чувств и эмоций.

– Не понимаю, чем ты недовольна, – порой говорил мне Слава, наблюдая мою нервозность. – У нас всё замечательно, разве нет?

Ответить ему мне было нечего. Вот честно. Наверное, замечательно. Но меня что-то без конца задевало, возможно, его проявившиеся неожиданно холодность и равнодушие, мне что-то не нравилось, а так, как Слава выглядел и старался во всём быть идеальным, я невольно принималась искать ответы в себе. Вот и получалось, что муж прав – все проблемы в нашей семье от меня.

За первые полгода нашего брака, этими мыслями я едва не довела себя до нервного истощения. Я похудела, я стала тихой и задумчивой, улыбалась только когда мы со Славой выходили куда-то вместе. Ведь его друзьям надлежало улыбаться, а мне лучиться от счастья. И я изо всех сил старалась соответствовать. А оказавшись в стенах нашего общего дома, я снова впадала в депрессию и унылые мысли. Но Слава этого, вроде бы, и не замечал. Мы могли не общаться с ним целый вечер. Он занимался своими делами, а я ходила тенью по квартире и выполняла его поручения. Говорила с ним, когда он задавал вопросы, улыбалась, когда он того хотел. И безумно боялась, что он не заговорит или не захочет моей помощи, и впадала в панику каждый раз, когда делала что-то не так, и муж это замечал. В такие моменты он устремлял на меня до того пронизывающий взгляд, что у меня всё внутри переворачивалось. Потому что он на меня не злился и не кричал. Он будто каждый раз во мне разочаровывался. Видел перед собой не красивую девушку, в которую влюбился, а никчёмную неудачницу. Без

образования, без знаний, без работы, без каких-то своих мыслей, потребностей и стремлений. Порой с его губ слетали подобные замечания. Когда я умудрялась что-то сделать не так, ошибиться, Слава расстроено замечал:

– Хотя, чего от тебя ждать? Тебя же никто подобному не учил...

И я сжималась внутренне в комок от таких слов. И понимала, что меня, на самом деле, никто не учил. Вместо учёбы я пела в ресторане и считала это достойным заработком.

– Никогда никому этого не говори, – потребовал от меня Слава вскоре после свадьбы. – Не дай Бог, кто узнает, стыда не оберёшься.

Мне тогда хотелось возмущённо воскликнуть: «Но ты же знал, знал об этом раньше! Зачем же женился, раз тебе стыдно?!». Но я промолчала. Проглотила те обидные слова. И все последующие. Ведь противопоставить мнению мужа мне было нечего. Я всё это делала, я работала на этих низкооплачиваемых, простецких работах, стараясь заработать хоть какие-то деньги, чтобы выжить, чтобы прокормить себя и маму, чтобы как-то зацепиться в этом городе, в котором я никому не была нужна. Когда от этих мыслей становилось по-особенному обидно, и слёзы сами наворачивались на глаза, Слава порой становился жалостливым и любящим. Гладил меня по голове и говорил:

– Но ты же нужна мне, очень нужна. Поэтому мы вместе.

И даже от этого мне становилось теплее на душе, хотелось жить, и я улыбалась. Я смотрела на него в эти моменты, наверное, словно брошенная собака в поисках доброты и понимания. Хоть толики.

Эти эмоциональные качели привели к тому, что я в какой-то момент утратила чувство реальности. Видела перед собой только мужа, лишь его мнение, его настроение, лишь его желания стали для меня важны. Он заменил мне смысл жизни. Со стороны казалось, что я катаюсь, как сыр в масле. Меня обеспечивали, одевали, как куклу, вывозили поразвлечься, а во всё остальное время я обязана была лишь обеспечить любимому супругу удобное, беспроблемное существование. И даже тот факт, что сделать это было не так просто, со всеми его требованиями, я всё равно была, как бы, в привилегированном положении. Как говорится, грех жаловаться. Спустя несколько месяцев мы уже жили по чёткому расписанию, которое Слава собственноручно составил и обязал меня заучить наизусть. В его жизни всё зависело от этого расписания, он ничего не делал просто так и во внеурочное время. Даже наш секс оказался расписанным по дням недели, и даже по минутам. Поначалу это ввело меня в ступор, но вскоре я даже радовалась подобному подходу. На фоне навалившейся депрессии, особой страсти в отношении супружеского долга у меня не осталось, и Славины два дня в неделю – вторник и пятница, меня вполне устроили. Правда, однажды я поймала себя на мысли: «Лишь бы скорее эти полчаса пережить», и ужаснулась самой себе. К тому моменту мы были женаты пять месяцев, и за неделю до этого, муж мне доходчиво объяснял, почему ЕГО выбор пал именно на эти дни. По понедельникам у него не остаётся сил, потому что первый день недели наполнен совещаниями и встречами. По средам он посещает спортзал, по четвергам мы ужинаем у его мамы, а после общения с мамой хотеть секса с женой как-то странно, дурно и неправильно. А по субботам мы обычно вечером выбираемся куда-то, чтобы нас видели вдвоём, как счастливую супружескую пару. В воскресенье же стоит отдохнуть перед предстоящей рабочей неделей. Вот и остались лишь вторник да пятница. Если бы год назад мне кто-нибудь изложил подобную теорию, да ещё на полном серьёзе, обстоятельно, с записями и пометками на полях блокнота, я бы решила, что человек серьёзно не в себе. А тут выслушала, намотала на ус и согласно кивнула. Потому что моего мнения никто не спрашивал, если уж на то пошло. Слава составлял расписание нашей каждодневной жизни, подстраивал её под своё удобство. Моим делом было внимать и запоминать порядок действий. Будто я дрессированная собачонка.

Но я ошибалась. В те месяцы нашей совместной жизни дрессировка ещё не началась, по крайней мере, настоящая. Тогда я ещё виделась Славе пластилином, и он лепил из меня

то, что хотел. А я молча поддавалась, не осознавая до конца, в какую историю, на самом деле, попала. Точнее, вляпалась. Тогда и Слава, и Полина Григорьевна относились ко мне снисходительно, даже чуть несерьёзно, я, наверное, казалась им такой лёгкой дурочкой. Изменилось всё в тот момент, когда я узнала, что я не первая жена Славы.

Знание это ко мне пришло случайно, и для всех неожиданно. Не знаю, почему мне эта мысль раньше не приходила в голову, просто не посещала. Возможно, потому, что с самой первой встречи Слава твердил и твердил о том, что я покорила его сердце, что с ним никогда ничего подобного не происходило, что наша с ним встреча – это судьба. А я уши развесила, и поверила каждому слову. И прожила в этом слепом веровании едва ли не год. А потом, на одном из юбилеев его то ли друга, то ли важного знакомого, мне такие подробности не рассказывали, считали, что ни к чему, один из приглашённых, видимо, они со Славой давно не виделись, сильно удивился, узнав, что я его жена. Настолько, что повернулся к моему мужу и запросто поинтересовался:

– А ты что, с Ирккой развёлся? Когда? А сын как?

Я стояла, с приклеенной улыбкой, и смотрела на лицо мужа. Оно буквально на глазах превращалось в каменную маску. И взгляд стал злым и беспощадным. Вот только почему-то направлен он был не на мужчину, который полез со своими ненужными вопросами, а на меня. И у меня от этого взгляда похолодело всё внутри. Я даже вздохнуть смогла не сразу. Но в чём я была виновата? И я в тот момент должна была задаться вопросом, почему мой муж скрыл известие о своем предыдущем браке, в котором, выходит, даже ребёнок родился, а я могла думать только о том, что он зол, и злость эта направлена на меня. В тот вечер он впервые схватил меня за горло. И меня буквально парализовал ужас.

В тот вечер закончилась моя нормальная жизнь.

ГЛАВА 4

Как выяснилось, объясняться со мной по поводу прошлых фактов своей биографии, достаточно важных, согласитесь, Слава не собирался. И когда я задала ему вопрос о его первом браке, он ответил, что это не моё дело. И сделал это в довольно грубой форме. По сути, попросту послал меня. И разозлился. Я видела, что он весь вечер злится, нервничает из-за того, что всё пошло не так, как он планировал. Что кто-то посмел задавать ему неудобные вопросы, но обвинить в этом проявившего любопытство мужчину, он не мог. Поэтому всё его недовольство вылилось на меня. А как мне нужно было себя вести? Промолчать? Сделать вид, что ничего не слышала, не поняла? Но ведь меня удивил не столько факт того, что у моего мужа до меня была жена, его нежелание обсуждать эту тему я бы смогла понять. Мало ли, многие люди расстаются и разводятся, оставаясь едва ли не врагами, перестают общаться друг с другом, и стараются позабыть о разочаровании, попросту вычеркнуть не сложившиеся отношения из памяти. Но не упомянуть о наличии ребёнка? Сына? Уже достаточно взрослого!..

Ещё перед свадьбой мы со Славой обсуждали тему детей. Я решила, что всё надлежит выяснить перед стартом. И я заметила, что тема деторождения особого вдохновения у моего будущего на тот момент мужа, не вызывает. Но и категорически против детей он не был. И, в итоге, мы сошлись на том, что нам необходимо некоторое время пожить для себя, в конце концов, наш брак довольно скоропалительный, а уже затем думать о появлении детей. В принципе, такая позиция устроила нас обоих. Но разве не в тот момент Слава должен был сказать, что у него есть сын? Хотя бы, просто поставить меня об этом в известность? А получилось так, что спустя несколько месяцев брака, эта новость свалилась на меня, как снег на голову. При этом, по словам мужа, и, судя по тому, как он злился, я не имела права даже поинтересоваться. Потому что это не моё дело. Моё дело – молчать и угождать, когда необходимо. В тот вечер мы поссорились, наверное, впервые серьёзно поссорились после свадьбы, и для меня эта ссора ничем хорошим не закончилась.

Я не понимала, почему он злится, просила его со мной поговорить, хоть что-то объяснить, чтобы я поняла, успокоилась и, возможно, мы больше эту тему и не обсуждали бы. Но Слава лишь всё больше наливался краснотой и злостью, а когда я попыталась его коснуться, он вдруг оттолкнул меня к стене, и пока я приходила в себя, преодолел расстояние между нами едва ли не в один прыжок, и схватил меня за горло. Это действие с его стороны было спонтанным, эмоциональным, это я уже потом поняла. А в тот момент испугалась до ужаса. Не понимала, что происходит, почему он так себя ведёт, что, вообще, с ним вдруг случилось. Куда делась его сдержанность, продуманность, воспитание. И почему он смотрит на меня уничтожающим, алчным взглядом. И я в панике схватилась за его запястье, хватая ртом воздух и выпучив глаза, а его пальцы всё сжимались и сжимались на моём горле. Становилось больно, безумно страшно, я стала задыхаться. А Слава наблюдал. С каким-то садистским наслаждением. Будто после долгих поисков нашёл моё уязвимое место. И пока он наблюдал, у меня темнело в глазах, ослабли колени, я осела на его руке, и от этого его пальцы ещё сильнее впились в мою шею, и меня окончательно накрыло ужасом от происходящего. И всё, что я видела, это его глаза. Совершенно белые, безумные, но довольные. Оттого, что он меня ломал, как куклу, в данный момент. И наслаждался этим.

А затем его пальцы разжались, и я повалилась на пол, прямо к его ногам. С хрипом хватая воздух воспалённым горлом, хватаясь за него рукой, кашляя и буквально брызгая слюной. А Слава, понаблюдав за мной немного с высоты своего роста, небрежно отодвинул меня ногой, переступил через меня и отошёл к дивану. Сел и включил телевизор. Потом снова кинул на меня взгляд, съёжившуюся в комок на полу. Мне все ещё было обжигающе больно дышать, трудно глотать, в голове туман, и это всё пугало.

– Никогда не спорь со мной, – сказал он тогда. – И не лезь, куда тебя не просят. – Я молчала, а он смотрел на меня. Смотрел и смотрел, потом потребовал: – Маша, иди в спальню. Хватит притворяться.

Тот вечер был самым ужасным в моей жизни. Самым страшным. Потому что я не ожидала. С того дня моя семейная жизнь и превратилась в кошмар. В котором я существовала в роли прислуги, молчаливой спутницы, наряженной куклы на вечер. Моя жизнь будто остановилась, застопорилась, перевернулась с ног на голову. А когда я пыталась вытащить себя из этого сомнабулистического состояния, пыталась сопротивляться и перечить, Слава намеренно ещё больше ограничивал круг моего общения, моей свободы. Он любил говорить о том, что я никому не нужна, кроме него, что меня никто не любит, и никто нигде не ждёт. Что никто даже не заметит, если я исчезну. Что без него – я никто. У меня нет работы, образования, каких-то особых навыков. У меня нет близких людей, родственников, друзей. Я одна. И он – единственный, кто обо мне заботится, кому не всё равно. Каждое моё слово против заканчивалось для меня наказанием. Нет, Слава никогда не бил меня, не швырял об углы квартиры, он лишь иногда душил меня, зная, как я этого боюсь. Особенно ему понравилось делать это во время секса. Он доходчиво объяснял мне, что может сделать это в любой момент. Когда я плохо себя веду, когда хорошо, или, когда ему просто хочется меня приструнить, поставить на место или понаблюдать за ужасом на моём лице. Он на всё имеет право.

Если муж считал, что я чересчур строптива, что вышла без спроса из дома или задержалась где-то, меня могли на несколько дней запереть в квартире, а то и попросту в комнате. Порой такое заточение доходило по времени до недели. В такие дни к нам в дом приходила Полина Григорьевна, что-то делала, готовила для любимого сыночка еду, но ей запрещалось общаться со мной, а уж тем более открывать дверь. Да она и не стремилась. Для свекрови я была кем-то вроде домашнего животного её сына, воспитание и укрощение которого касалось только его. Полине Григорьевне не было меня жаль, хотя, при общении в обычные дни она никогда не выказывала своего пренебрежительного отношения ко мне. По крайней мере, в открытой форме. Она мне улыбалась улыбкой Медузы Горгоны, милой и равнодушной, что-то рассказывала, что-то просила сделать, а когда на моей шее были видны синяки, попросту их игнорировала. Ей было безразлично, как я себя чувствую. Полина Григорьевна с безусловной верой твердила мне о том, что я везучая, что Слава меня осчастливил, решив взять в жёны, лишил меня всех финансовых и бытовых трудностей, и мне нужно быть благодарной. Им всё же удалось слепить из провинциальной необразованной девчонки достойную зависти любой женщины, замужнюю даму.

Через год жизни в браке я чувствовала себя мёртвой. Не в физическом плане, а в моральном. Обо мне, на самом деле, все успели позабыть. Как Слава и говорил, как он и предрекал. У меня не было близких родственников, не было настоящих друзей, которые хватились бы меня, заметив моё долгое отсутствие или молчание. Был круг знакомых, которые после моего замужества сначала отошли на задний план, а затем вовсе исчезли из моей жизни. Все были уверены, что я счастливо, сытно и удобно устроилась за спиной мужа, а я тем временем теряла себя, день за днём. За год семейной жизни из моего телефона исчезли все номера телефонов ненужных, как посчитал Слава, мне людей. Я лишилась маминой квартиры, Слава продал её, заявив, что устал решать проблемы, связанные с квартирантами, родственниками, платежами, к тому же, провинциальная недвижимость нам ни к чему. Лучше деньги вложить в какое-то дело. Я подписала документы на продажу у нотариуса под тяжёлым, бдительным взглядом мужа, от которого у меня внутри всё переворачивалось. Подписала, понимая, что совершаю ужасную ошибку. Что Слава лишает меня последней соломинки, последнего шанса на самостоятельность, на спасение. Денег я, конечно же, тоже не увидела. Как сказала Полина Григорьевна:

– Слава поступил по справедливости, Маша. Разве нет? Он тебя содержит и на тебе ни в чём не экономит. Должны же быть какие-то вложения в вашу семью и с твоей стороны? Да и сколько стоит твоя ужасная квартира в деревне? Наверняка, копейки.

Ответить мне на это было нечего. Со стороны, наверняка, казалось, что у нас со Славой идеальная семья, удивительно гармоничные отношения. В нашем доме не происходило скандалов, не было криков, никто ни на кого не обижался и не высказывал претензии. Потому что мне претензии предъявлять было непозволительно, а Слава был всем доволен. Он жил своими правилами, своими уставами и только своими желаниями. А когда его всё же что-то расстраивало или выводило из себя, он мог показать мне это одним лишь взглядом, лишь нахмуренными бровями, и у меня внутри всё сразу сковывало льдом, и я ненавидела в себе это безволие. Знала, что я совсем не такая. Но смотрела на мужа, и сразу представляла наказание, которое меня ждёт за непослушание, за равнодушие к его потребностям или неловкость.

Порой Слава мог наказывать меня лишь своим молчанием. Он начинал игнорировать меня, считая, что я в чём-то перед ним провинилась, при этом, даже не поясняя, в чём именно. Лишь его восприятие ситуации и действительности. И это могло длиться по несколько дней, а то и неделю. В это время я чувствовала себя пустым местом. Ничтожеством. Никем. В то же время лихорадочно пытаюсь понять, что я сделала не так, в чём ошиблась? Вроде бы можно было порадоваться, не нужно его слушать, а, стало быть, и подчиняться, но выходило так, что единственный человек, с которым я общалась, переставал меня видеть и замечать. И это жутко действовало на нервы. Я инстинктивно принималась угождать мужу, старалась сделать ужин повкуснее, рубашки его отгладить идеально, очень хотелось, чтобы он заметил, оценил. Едва ли не тапочки ему подносила. А он смотрел будто сквозь меня, разговаривал с кем-то по телефону, смеялся с невидимым мне собеседником, куда-то уходил, приходил, а я, словно, тень, оставалась где-то в стороне. Не могла выйти из дома, не могла ни с кем поговорить, даже поплакать не могла. Потому что, когда начинала выть от одиночества, пугалась того, что схожу с ума. И уже нахожусь в палате психиатрической больницы. А вдруг он этого и добивается? Чтобы я сошла с ума, и он бы определил меня в закрытую клинику и ходил бы и рассказывал друзьям и знакомым, как он стойко борется с болезнью молодой жены. Ведь так меня любит!

Мой муж любил порассуждать на людях о наших с ним идеальных отношениях, похвастаться хотя бы этим, ведь материальной стороной ему хвастаться было нельзя. Хотя, я прекрасно знала, что достаток Славы лишь на малую толику складывается из зарплаты чиновника. Уверена, что он весьма обеспеченный человек. Но я к его обеспеченности никакого отношения не имею. Я – лишь ещё одно его приобретение. Каждый выход в люди с ним под руку, воспринимался мной, как очередное испытание. Я должна была выглядеть потрясающе, должна быть прекрасна, недосыпаема и молчалива.

Не должна подолгу ни с кем разговаривать.

– Вдруг что-нибудь ляпнешь? Никто не должен знать, что ты неуч!

Не должна пить больше одного бокала шампанского за вечер.

– Моя жена плохо переносит алкоголь, – улыбаясь, каждый раз говорил Слава, и напоказ трепетно сжимал мою руку.

Не должна сблизиться с жёнами и подругами его коллег и знакомых.

– Чему они могут тебя научить? – удивлялся муж, пренебрежительно фыркая. – Либо клуши, либо проститутки.

Не должна иметь в кошельке ни одного лишнего рубля.

– Для чего тебе деньги? Всё, что тебе нужно, у тебя есть. Всё остальное – мои заботы.

Порой я задумывалась о том, чтобы сбежать. Эти мысли посещали меня, и как-то по-особенному шекотали мои нервы. Я сидела часами в тишине и размышляла о побеге. Как мне будет хорошо одной, как я буду счастлива, никогда больше не увидев мужа и свекровь. Что я

буду делать со своей свободой. Куда поеду, куда убегу... Вот именно после этого мои вольные мысли давали сбой, и я замирала, скованная тревогой. А куда я пойду, и куда побегу?

У меня нет денег, Слава об этом позаботился. Даже на то, чтобы прокормиться в первый день-два. Ладно, это всё ерунда. Еду можно взять из холодильника, я даже мысленно не называла квартиру мужа домом. А всё остальное? У меня не осталось знакомых, я не могу никому позвонить из прошлой жизни, попросить помощи. Ехать мне тоже некуда. Маминой квартиры у меня больше нет, как и хороших родственников и друзей даже в моём городе. По крайней мере, таких, которые, без раздумий, приютят, а при необходимости, заступятся за меня перед мужем, не отдадут обратно в его руки, спрячут. Ведь у меня даже паспорта нет. Он с давнего времени хранится в сейфе, в кабинете мужа. И я его не видела с тех пор, как получила, с новой фамилией. Слава искренне недоумевал, для чего он мне. Лежит в сейфе и лежит. То есть, у меня ни документов, ни прописки не будет, ни денег, ни знакомых. Куда идти? На улицу? Порой казалось, что лучше на улицу. На вокзал, в парк, куда угодно. Но вместо этого я, как затравленная собачонка, вскакивала при первых звуках поворачивающегося в замке ключа, и замирала в дверях гостиной, где Слава привык меня видеть.

– Любимая, я дома, – говорил он каждый день. И тут же интересовался с якобы лукавой улыбкой: – Ты хорошо себя вела?

Я натянуто улыбалась ему в ответ. Ничего не отвечала, ведь ответ ему был не нужен, он сам решит чуть позже – хорошо я себя вела или нет.

Но куда хуже выходов в свет, походов в гости, были встречи с родственниками и друзьями семьи Полины Григорьевны. Слава был не слишком щепетилен в отношении семьи, как называла этих людей его мама, скорее, принимал как неизбежное зло. Был уверен в своём превосходстве, считал себя эталоном, самым успешным представителем семейства из всей многочисленной родни, большинство членов которой они с мамой считали плебеями, а общались лишь с избранными. Только из-за этого мне не хотелось общаться ни с кем из них. Но меня опять же демонстрировали, как племенную лошадь. Какая у замечательного Славы образцовая жена. Всё по стандартам. Но Полина Григорьевна крайне любила такие семейные встречи, всегда готовилась, и нас со Славой к этим сборищам подтягивала. Собирались все у Полины Григорьевны дома, за накрытым столом, ели, пили и щебетали. Хотя, мне их щебетание больше напоминало шакальи ухмылки. Потому все разговоры велись о тех людях и тех родственниках, которых в эту компанию не принимали. Попросту сплетничали, обсуждали и осуждали. Как остальные неправильно живут, все неудачи и промахи, и якобы сетовали на чужую недалёкость.

– Даже странно, что у нас общие корни, – любила злорадно поговаривать Полина Григорьевна, например, о двоюродной сестре своего мужа. Та считалась едва ли не изгоем в родне, женщиной с не сложившейся судьбой, наделавшей по молодости непростительных ошибок и за это, собственно, поплатившейся. Золовку Полины Григорьевны, Антонину, обсуждать любили. Её и её единственного сына, который приходился моему мужу троюродным братом. Слава не считал это за родство, хотя, мне кажется, лукавил. Потому что новости о жизни брата его всегда интересовали. Особенно он любил их выслушать, а затем снисходительно усмехнуться. Считал того не то чтобы неудачником, а человеком по статусу куда ниже, чем он сам. В конце концов, выносился тот же приговор: плебеи. Как могут, так и выживают. Общаться с такими как бы не о чем, встречаться и приглашать в дом тем более. Я всё это выслушивала молча, вообще, старалась на семейных обедах никак себя не проявлять. Моё дело было следить за тем, чтобы стол был накрыт, а гости сыты и довольны. Таким образом Калинины показывали насколько хозяйственную жену Слава себе приобрёл, выбирал с толком.

Лично я с Антониной и её сыном знакома не была. Помню, что встречалась с Фёдором, так звали брата мужа, на нашей свадьбе, но мельком. Он приезжал, чтобы поздравить, кажется, подарил подарок, но это не отложилось в моей памяти, я была занята другими мыслями и заботами в тот день. Кажется, в банкетную зону его не пригласили, и больше я его не видела, даже

не помню точно, как он выглядит. И уверена, что и не встретила бы с ним никогда, Славе бы не пришло в голову пригласить Фёдора на торжество, если бы не одно «но». Был ещё один человек в их семье, который правил балом, и делал это куда удачнее, чем Слава. Которому не нужно было изображать из себя успешного и важного человека, способного на подобное. Она и так была способна. Это была свекровь моей свекрови, родная бабушка моего мужа. Альбина Моисеевна. Это не женщина, это тореадор в юбке. Признаться, я таких, как она, никогда не встречала. Альбине Моисеевне совсем скоро исполнялось восемьдесят лет, по этому поводу готовились закатить настоящий банкет, чего бабушка, конечно же, заслуживала. Женщиной она была волевой, властной и довольно резкой в общении. Мало кого принимала, мало кого любила, в том числе и Полину Григорьевну. Та была лишь снохой, и без конца об этом из уст любимой свекрови слышала. Отца Славы, мужа Полины Григорьевны, давно не было в живых, как и другого сына Альбины Моисеевны, как, впрочем, и трёх её мужей. Зато у дерзкой бабушки было много денег и недвижимость, в том числе, в Москве, а, точнее, три квартиры, доставшиеся ей от мужей, две в Нижнем Новгороде, а одна в столице, прямо на Остоженке. Квадратные метры там стоили баснословных денег, и, естественно, никому из родственников не хотелось стать при Альбине Моисеевне изгоем. Все старались быть радушными и милыми, выслушивали все её отповеди и колкости, попросту терпели. В надежде, что наследственная доля не обойдёт их стороной. И Слава тоже терпел. Даже когда любимая бабушка принималась его критиковать. Она, возможно, в силу своего неуживчивого и вздорного характера, никакой необъяснимой пылкой любовью к внуку не пылала. Хотя, он был единственным родным внуком, но Альбина Моисеевна, наравне со Славой, принимала в своём доме и интересовалась судьбой Фёдора, видимо, благоволила к нему, чем ужасно злила Славу. Ведь Фёдор был лишь двоюродным внуком, отпрыском её племянницы, внуком давно умершего брата. Поэтому единственное место, где троюродные братья пересекались и вынуждены были общаться – это дом бабушки. Но происходило это не часто. На моей памяти, за два года нашего брака, это случилось лишь однажды, и то я при этой встрече не присутствовала. Но помню, что Слава вернулся домой раздражённым и, кажется, даже рычал. Младшего братца он не терпел. Даже имя его – Фёдор, вызывало у него и у его матери презрительное «фи».

– Совершенно не понимаю, зачем старуха его привечает, – удивлялась Полина Григорьевна, как-то принявшись со мной откровенничать. По всей видимости, ей стало скучно, я занималась тем, что протирала пыль на её антикварной горке, и свекровь решила порассуждать о проблемах, которые её волновали. За день до этого Слава навещал бабушку и, по всей видимости, выслушал что-то о жизни троюродного брата, а то и встретился с ним лично. Разозлился и поделился своим возмущением с матерью. Та, конечно, любимого сына поддержала. – Совершенно невозможный мальчишка рос. Как трава на улице. – Полина Григорьевна барабанила пальцами, унизанными тяжёлыми перстнями, по полированной поверхности стола. – Хотя, чего ждать с такими генами? – задала она риторический вопрос и перевела задумчивый взгляд на меня. Видимо, прикидывала, что там у меня с генами. Подозрения её не радовали. – Всегда говорю, что с кем поведёшься, того и наберёшься. Нужно делать в своей жизни правильный выбор. Понимаешь, Маша? Правильный.

Я молча делала своё дело, а Полина Григорьевна продолжала вздыхать и рассуждать.

– Тонька, конечно, тоже из обычной семьи, но всё же была надежда. Можно было выйти замуж правильно, у неё для этого были все шансы, недурна собой она была в молодости. А она сглупила. Выскочила замуж за того солдатика. – Полина Григорьевна усмехнулась. – Господи, хоть бы кого посolidнее выбрала, а то голь перекаатную. Белорусского происхождения. Ты знаешь, какую фамилию она по мужу взяла? Кутеко. Я даже не знаю, что это! И сына назвали Федей. Вот так их жизнь и пошла. После армии он приехал к её родителям на всё готовое, на завод устроился, сына родили, а потом он взял и сбежал. Нет, Маш, это мыслимо? Это как нужно мужика-простака допечь, чтобы он от тебя дёру дал? – Полина Григорьевна вроде

и пыталась выдать свой тон за переживающий, но судя по торжествующим ноткам, злорадствовала. – Вот и осталась Тонька с дитём на руках, да в родительской квартире. Всё, кому нужна с прицепом? Так она даже эту жуткую фамилию оставила, представляешь? Так и живёт Тонькой Кутеко. Ни замуж не вышла, ничего не добилась. И сынок у неё такой же вырос. Его в семнадцать уже чуть не посадили. Подрался с кем-то. Балбес. Да и до сих пор всё какие-то авантюры крутит. Знаешь, чем он занимается? – поинтересовалась она, понизив голос до страшного шёпота.

Я лишь головой качнула. Честно, мне было не интересно. В тот день у меня жутко болело горло, а на шее красовался высокий воротник кофты. Слава вернулся злым вчера.

– Говорят, квартиры у стариков и алкоголиков отнимает. – Свекровь вдруг перекрестилась. – Одним словом – нехристь. А то и убийца. Как думаешь, посадят его? Таких же ловят и сажают надолго. Я по телевизору видела. В криминальных новостях.

Я лишь плечами пожала. Мне до этого никакого дела не было. Куда интереснее мне было узнать про бывшую семью мужа. В конце концов, какой-то там Фёдор, брат он Славе или не брат, седьмая вода на киселе, как говорится, особо нам родственником не приходился. А вот наличие у Славы бывшей жены, а тем более, родного сына, меня сильно интересовало. Муж отказывался со мной обсуждать эту тему, неизменно говорил, что это не моё дело, а я мучилась догадками. Кое-что узнать помог случай. На Рождество все собрались в гостях у Альбины Моисеевны, примечательно то, что перед родной бабушкой Слава не решался хвастаться тем, какая послушная и хозяйственная у него жена, и в её доме я, как и все остальные гости, сидела на диване, пила чай с тортом и слушала чужие разговоры. Мне в них влезать особого смысла не было, я никаких семейных тайн и тем не знала, поэтому в беседах не участвовала. Так сказать, отдыхала. Порой чувствовала на себе внимательный взгляд бабушки мужа, она присматривалась ко мне, но никогда ничего не говорила. Я так поняла, что особого интереса я у неё не вызывала. В начале нашей семейной жизни, когда Слава впервые привёз меня в дом бабушки, потому что та наотрез отказалась присутствовать на самом торжестве, сославшись на то, что её интерес к свадьбам, в силу возраста, давным-давно иссяк, Альбина Моисеевна со мной побеседовала. Ну как, побеседовала? Задавала мне вопросы, по мне, так совершенно нейтральные, разглядывала меня и едва заметно посмеивалась. А чуть позже, возвращаясь в комнату из кухни, с подносом в руках, я услышала, как она нарочито небрежно поинтересовалась у внука:

– Что, молодого тела захотелось? Или очередная дурочка понадобилась?

Слава бабушке что-то ответил, точнее, буркнул, я не разобрала, а мне, если честно, стало очень неприятно от подслушанных ненароком замечаний. И с тех пор я с бабушкой мужа старалась с глазу на глаз не оставаться. Да и она к этому не стремилась совершенно. Мы встречались раз или два в год, по большим праздникам, я сидела в сторонке по обыкновению и молча пила чай. Перед визитом в дом Альбины Моисеевны Слава всегда нервничал и по привычке выдавал мне целый список указаний. Ни с кем не говорить, ничего не рассказывать, поменьше лезть в чужие разговоры. А я и не собиралась. Его родственники, которых он сам не слишком уважал и не зависел от их мнения, меня тоже мало интересовали. Помочь никто из них мне бы не взялся, против Славы бы не пошёл, а, возможно, и не поверил бы моим рассказам. Да и какой помощи я должна была ждать от этих людей? Что меня спасут, приютят, исправят мою жизнь, которую я сама, по глупости, испортила? На семейных встречах Слава всегда чувствовал себя королём, лишь бабушка время от времени сбивала с него спесь каким-нибудь дерзким замечанием. А в остальном, равных себе Слава в семье не видел.

И вот в Рождество, также отсидевшись в сторонке от родственников мужа, вполуха слушая их разговоры о семейных делах, я как-то неожиданно осталась наедине с Альбиной Моисеевной. Совершенно не понимаю, как такое получилось, но все разбежались, возможно, всего на пару минут оставив нас наедине, совершенно неосознанно, а я вновь поймала на себе вни-

матерный взгляд бабушки мужа. Она смотрела на меня очень пристально, даже прищурилась, вроде как оценивала, а затем спросила меня:

– Ну, и как тебе замужем?

Я в первый момент растерялась, только тогда осознала, что мы в комнате вдвоём, и вопрос задан именно мне. К тому моменту мы со Славой были женаты уже больше года, и все прелести нашего брака давно стали для меня очевидны. Поэтому пришлось всерьёз подумать над ответом. Я даже присмотрелась к Альбине Моисеевне, на секунду представив, что будет, если я возьму и попрошу у неё помощи. Но бабка смотрела на меня настолько свысока, что я не решилась. Вместо этого привычно улыбнулась.

– Всё хорошо, спасибо.

– Так уж и хорошо? – недоверчиво хмыкнула она в ответ. – Ну-ну. – И тут же подивилась: – Что вы за дуры все такие? На стать да кошелёк ведётесь. Наверное, за это и получаете. Что ж, так вам и надо.

Я крепко держала в руках чашку с остывающим чаем.

– Много дур было, Альбина Моисеевна?

Мой вопрос её, кажется, развеселил. Она даже кудакнула совершенно по-стариковски.

– Да немало. Ирка, предшественница твоя, тоже не большого ума оказалась. Но ведь сколько лет прожили? Пять, шесть? Точно я не скажу. Полина помнить должна. Дитё родили, шkodливый такой мальчишка. И что, много она от этого брака получила? Еле ноги унесла, а ведь я её предупредила. Да ещё за алименты сколько судилась. Ты так же хочешь?

Я головой качнула. Конечно, информации, полученной мной, было крайне мало, но, по крайней мере, теперь я знала, что Слава платит алименты бывшей жене. Но того, что он общается с сыном, я не замечала. Обычно все выходные дни муж проводил со мной, никуда не отлучался. Получается, к сыну Слава несильно привязан? Но куда больше ребёнка, мальчика по имени Артём, меня интересовало другое. Как Ирине удалось вырваться из брака со Славой? Как она сбежала? Ведь не может, не может он относиться подобным образом только ко мне. Наверняка такое отношение к женщинам, к жене, было и до меня. Не могу же я одним своим существованием вызывать в нём такие эмоции.

Или могу? Слава без конца обвинял меня в чём-то. Что я всё делаю не так, что мне ничего нельзя доверять, что я беспечна, наивна и глупа. Что моё происхождение, воспитание не стоят и ломаного гроша, а он уже столько месяцев бьётся, чтобы научить меня хоть чему-то. Он, на самом деле, меня учил, тому, что сам считал нужным. Выдавал нужную литературу, которую я должна была штудировать, а он затем устраивал мне по теме едва ли не экзамен. Заставлял смотреть фильмы, которые он для меня выбрал, классику от именитых режиссёров, а не низкопробные сериалы, в просмотре которых целыми днями безделья он меня подозревал. И всё ради того, чтобы ему, по его же словам, было, о чём со мной говорить. Доходило до смешного. На нашем домашнем компьютере стоял «родительский контроль», и было лишь несколько сайтов, полностью исключая соцсети, которые я могла посещать. В основном публицистические и кулинарные. Я чувствовала себя проблемным подростком, каждый шаг которого находился под тотальным контролем. Потому что я глупая и неловкая, и, если за мной не следить, я, наверняка, вляпаюсь в неприятности. Только, интересно, в какие неприятности я могу вляпаться, выходя из дома лишь трижды в неделю – в магазин и до квартиры свекрови?

– Ты ведь понимаешь, сколько сил мне приходится прикладывать ради того, чтобы ты жила сытой, беспроblemной жизнью? Ты понимаешь?

– Конечно, Слава.

– Я работаю по десять часов в сутки, я стараюсь зарабатывать, чтобы покупать тебе наряды, чтобы ты была не хуже всех. Не хуже, Маша, а лучше! Чтобы все эти тётки на улице тебе завидовали! А ты в ответ не можешь обо мне позаботиться? Не можешь приготовить вкусный ужин? Что с этой пастой? Она переварена!

Тарелка с ужином летит на пол, я провожаю её взглядом, сжимаюсь от звука разбивающегося стекла, вижу, как макароны в соусе летят на пол, оставляя жирные следы, и уже мысленно бегу за шваброй, чтобы всё это поскорее убрать. Но, на самом деле, стою на месте и лишь в ужасе таращу глаза, внутренне сжимаясь от гневного окрика мужа. Сердце начинает колотиться, а в голове лишь одна мысль: он недоволен.

– Что ты стоишь? – Мой ступор, по всей видимости, ещё сильнее его разозлил. Слава поднялся из-за стола, сделал ко мне шаг, схватил меня за плечо и толкнул вниз. Я буквально рухнула на колени, едва успев опереться рукой в пол. – Убирай.

Его голос не был громким, истеричным, чтобы, не дай Бог, не услышали соседи. Да ему и не хотелось кричать, я думаю. Слава был вполне доволен тем, что происходит. Он сам сходил в ванную, принёс половую тряпку, и кинул её мне. Повторил:

– Убирай.

Я практически ничего не видела от слёз. Они застилали глаза, я пыталась незаметно их смахивать, потому что знала – всхлипывать нельзя. Будет только хуже. Тёрла тряпкой пол, понимая, что не убираю грязь, а лишь размазываю её по полу. А Слава стоял надо мной и наблюдал. Не шевельнулся даже тогда, когда я случайно задела тряпкой его ногу. А я в этот момент замерла, ожидая очередного взрыва. Но его не последовало. Слава вдруг схватил меня за волосы, не больно, но довольно крепко. Я остановилась, не зная, чего ожидать, а он потянул меня наверх, пришлось сесть на корточки и как можно выше поднять голову. Получилось так, что я невольно остановила взгляд на лице мужа. А он продолжал и продолжал меня разглядывать, и я видела в его глазах извращённое удовольствие. Хотелось плюнуть ему в лицо, или толкнуть его, или сделать ещё что-нибудь, но я знала, что смелости на это мне не хватит.

– Иди в душ, – сказал он в конце концов. И с явным отвращением в голосе добавил: – Ты грязная. А потом в постель.

Не повезло. Очень редко, но расписание на секс два раза в неделю сбивается. В тот день мне не повезло. Это произошло на прошлой неделе, и после несколько дней я жила спокойно. Слава выпустил свой гнев наружу, получил удовольствие, а синяки на моём теле от его сильных пальцев – это мелочи. Зато я могла быть уверена, что некоторое время он будет доволен и спокоен. Я давно поняла, что чем покорнее я веду себя во время секса, а это был именно секс, удовольствие для него, а никак не для меня, тем спокойнее и умиротворённее становится муж. Правда, он предпочитал называть это «занятиями любовью». Не знаю, что именно Слава знает о любви, но к ней наши отношения – ни в спальне, ни вне её, никакого отношения не имели. Для меня это был способ прожить следующую неделю без страхов и лишних проблем. Больше всего Слава ценил в женщине, по крайней мере, во мне, послушание и покорность. Безропотность. Стонать мне разрешалось только в постели, а он предпочитал думать, что мои стоны от удовольствия. Наверное, ему нравилось так думать, это повышало его самооценку. Вот я и старалась. А муж хватал меня за волосы, прижимался ко мне и шептал на ухо что-нибудь неприличное. Например, поражался моей испорченности и хвалил за то, что я такая порочная. Требовал, чтобы я вслух подтверждала, насколько мне нравится то, что он со мной делает. Я говорила, подтверждала, и ждала, когда всё, наконец, закончится. А затем оставалась лежать на постели и украдкой наблюдала за тем, как муж поднимается, накидывает на себя халат, и в этот момент на его лице появляется брезгливое выражение. Ему явно становилось противно от того, что только что между нами происходило. А я всегда гадала: ему только я противна, или он сам себе противен? Судя по тому, как быстро он удалялся после секса в ванную и подолгу принимал душ, себе он тоже был неприятен. И именно от понимания этого, от этого момента, я и получала свою порцию удовольствия. Знала, что как только он вернётся в спальню, снова скажет, что я грязная, чтобы отправлялась в душ, но он был куда грязнее меня. Во всех отношениях. И это была та мелочь, которая позволяла мне держаться и окончательно не потерять себя в семейной жизни с этим психопатом.

Несколько дней после я провела в квартире взаперти, меня даже к Полине Григорьевне не отпустили, о чём я сожалела мало. Зато после Слава разрешил мне сходить в магазин, выдал денег, казался вполне нормальным человеком. Мужем, который возвращается домой с улыбкой, говорит «спасибо» за приготовленный ужин и красиво накрытый стол, смотрит вместе с женой телевизор, и вот сегодня произошёл этот инцидент в магазине. Ну, откуда, откуда на мою голову взялась эта злополучная Ангелина? Зачем она ко мне подошла?

– Тебе совершенно ничего нельзя доверять, – шипел мне в лицо Слава. Его лицо было злым, губы побелели, а глаза были опасно прищурены. – Тебя отпустили в магазин, но ты и там сумела опозориться.

Он меня отпустил, я машинально обхватила горло рукой, но понимала, что это больше паническая реакция. Особого вреда Слава мне не причинил. Но это совсем не значит, что на этом всё закончится. Конечно, я могла бы начать оправдываться, ведь виновата ни в чём не была. Ни платье я мерить не собиралась, ни с его сотрудницей никаких разговоров не вела. Наоборот, поспешила поскорее с ней распрощаться и уйти. Но Слава не станет слушать мои оправдания, я это доподлинно знала. Поэтому незаметно сделала пару шагов назад, вжалась в стену, опустила глаза в пол и приготовилась выслушать всё, что он собирался мне сказать.

– Наверное, это в твоей натуре. Привыкла перед мужиками задницей вертеть. Соскучилась? Мужа тебе мало?

Я молчала, закусила губу, но это Славе, неожиданно не понравилось. Он подошёл ко мне, сделав несколько стремительных шагов, и вжал меня в стену. Схватил за подбородок, заставляя посмотреть ему в глаза.

– Что ты молчишь?! – рыкнул он. – Ты и говорить разучилась? Ты настолько тупая?

В голове словно молния пронеслась мысль оттолкнуть его. Или ударить. Например, коленом в пах. Слава стоял для этого в самой подходящей позе и на подходящем расстоянии. Мне нужно было лишь набраться достаточно смелости, схватить его за плечи и ударить коленом. И я даже представила себе это действие, воображаемая картина обожгла меня, но я так ничего и не сделала, лишь смотрела в злое лицо мужа. Сама в себе в этот момент разочаровалась. Чего я боюсь? Что он может сделать мне такого, чего ещё не делал? Избить? Между прочим, это не так уж и страшно, возможно, боль пошла бы мне на пользу, отрезвила, заставила действовать, что-то решить, а не жаться под его взглядом, будто испуганный зверёк. А Слава смотрел на меня в этот момент с таким презрением, высокомерием, я, на самом деле, чувствовала себя рядом с ним какой-то невзрачной, никчёмной, слабой. Знала, что именно такой реакции он своими действиями от меня и добивается. Но было неприятно. Внутри меня всё давным-давно сжалось в комок, и представляло собой нечто серое, блёклое и трясущееся. Я, словно, жила в какой-то скорлупе, представляла тень самой себя, при этом прекрасно всё осознавая, но не в силах что-то изменить. Прежняя я, смелая и бойкая, всё ещё жила внутри этой скорлупы. Возмущалась, бунтовала, подсказывала мне, как правильнее поступить и реагировать на обиды мужа, и топала ногами, когда внешняя я ничего не предпринимала, пасовала перед ним. Расстраивалась, отворачивалась и пропадала на некоторое время. А моя оболочка продолжала жить по установленному Славой расписанию, выполняла свои функции, и не знала, как выбраться наружу.

Вот и сейчас я в очередной раз спасовала.

Слава меня встряхнул.

– Что ты молчишь?

Я привалилась к стене, из груди вырвался вздох.

– Мне нечего тебе сказать, – сказала я.

– Что меня совсем не удивляет, – хмыкнул он.

Я разглядывала растёгнутый воротник его рубашки, крепкую шею в его вырезе.

– Может, тебе стоит со мной развестись? – вдруг выпалила я. Между нами повисло молчание, Слава смотрел на меня в удивлении. Я, наконец, смогла поразить сознание мужа, собой стоило гордиться. И я сама настолько впечатлилась, что подняла глаза и взглянула ему в лицо. Сглотнула и продолжила: – Зачем тебе такая плохая жена, как я? – поинтересовалась я. Меня вдруг всерьёз заняла эта мысль. – Я не так себя веду, я ничего не умею, у меня всё валится из рук. Я не образована, не умна, ни одной нужной книги не прочитала. – Распаляясь всё больше и больше, я начала тараторить под мрачным взглядом мужа. – Ты же мучаешься со мной, Слава. Мне ничего нельзя доверить, я постоянно влезаю в неприятности!..

– Замолчи, – выдохнул он.

– Но ведь это правда!

– Замолчи, я сказал! – Он снова вжал меня в стену, лопаткам стало больно. Я попыталась пошевелиться, но меня лишь сильнее впечатали обратно. Вновь схватили за подбородок. – Кто ты такая, чтобы говорить мне, что мне делать? – озлобленно выдохнул он мне в лицо. – Твоё дело молча делать своё дело!

– Какое?

Услышав снова мой голос с протестными интонациями, Слава не выдержал и замахнулся на меня. Я зажмурилась, но он не ударил. Замер надо мной с занесённой рукой. И опять же потребовал:

– Молчи. Молчи, когда я говорю. Ты захотела от меня избавиться? Так? Ничего у тебя не выйдет. – Его длинные пальцы буквально смяли моё лицо. Прошлись по щекам, носу, губам, а меня от этого действия затошнило. Слава будто стирал меня в этот момент. Не хотел довольствоваться моей личностью, до которой добрался давным-давно, он и мою внешность желал стереть. – Ты принадлежишь мне. Знаешь почему? – Он говорил всё это, наклонившись ко мне близко-близко, я чувствовала его горячее дыхание. – Потому что без меня ты никто. И была никем. Вспомни свою жизнь, ты ненужный, лишний человек. О тебе даже никто не вспомнил, никто не озаботился твоей жизнью за все эти месяцы. Ты тело, которое я купил. Для своего удовольствия. Запомнила?

Я смотрела в пол, не хотелось видеть его зверское лицо в этот момент, его презрительный взгляд, которым он пытался окинуть меня с головы до ног, чтобы стало совсем неприятно и невыносимо. На глаза навернулись слёзы. Я понимала, что все его слова не нужно воспринимать всерьёз, не нужно на них акцентироваться, но его голос был до того въедливым, он буквально проникал в мой мозг и разъедал его, как кислота. Ведь всё так и получалось. Он купил меня для своего удовлетворения, и делал со мной всё, что хотел, ломал, травил, а когда хотел, хвалил, подкармливая своим хорошим отношением, будто бродяжную собачонку. А я позволяла ему сделать с собой это.

Он отпустил меня. Отошёл, а я осталась стоять у стены, спрятав руки за спину. Сжимала ладони в кулаки и костяшками упиралась в стену, причиняя себе тем самым боль. Слава отошёл на середину комнаты, затем обернулся, посмотрел на меня. Злость уже успела покинуть его, самообладание вернулось, а во взгляде плескалась издёвка.

– Ты решила меня уколоть? Поддеть? – заинтересовался он. Усмехнулся. – Что ж, признаюсь, на минуту тебе это удалось. Но лишь на минуту. И хочу, чтобы ты запомнила, дорогая, на будущее. Всё, что я считаю своим, я это не отпускаю. Мне всё это нужно, у всего есть своё место и своя функция. Твоя функция – быть моей женой. И молчать. Молчать, слышала? Иначе я тебя уничтожу.

В голове пронеслось: а разве ещё не уничтожил?

А Слава вернулся ко мне, но не приблизился вплотную, как до того, остановился в шаге, разглядывая меня. Упёр руки в бока.

– Если ты думаешь, что ты доведёшь меня своим непослушанием, и я тебя выгоню, разведусь с тобой, то ты сильно ошибаешься. Если ты станешь вести себя невыносимо и неадек-

ватно, я сделаю так, чтобы тебя от этого психоза вылечили. После чего ты снова вернёшься ко мне, и, думаю, станешь куда разумнее. Я не стану больше разводиться, Маша. Мне выгоднее быть мужем психически больной жены, и вести привычный образ жизни. Несчастливого, но стойкого, любящего жену семьянина. Ты меня услышала?

Почему-то в его словах и предостережениях мне не пришло в голову сомневаться. Я прекрасно представляла, как все вокруг примутся жалеть и сочувствовать Владиславу Александровичу, стараться помочь словом и делом, а мой муж будет всем улыбаться, скорбно поглядывая на этот мир из-под красивых, мужественных бровей. Ему отлично удастся эта роль, я знаю.

– Ты услышала меня? – повторил он требовательно.

Я едва заметно кивнула.

Слава взял меня за плечо, довольно больно, его пальцы впились в мою кожу, и буквально оторвал от стены. Подтолкнул вон из комнаты, довёл таким образом до двери в ванную комнату. Я уже знала, что это означает. Он втолкнул меня внутрь и сказал:

– Сегодня ты ночуешь здесь. Я не хочу тебя видеть. Ты вела себя отвратительно, – наставительным тоном оповестил он. Дверь за моей спиной захлопнулась, а спустя минуту в замке повернулся ключ. Каждая комната в этом доме запиралась на надёжный замок, но раньше меня это не удивляло. Слишком поздно я осознала, для чего это было сделано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.